

БРЮС КЭМЕРОН

*Пусть
вернется
домой*

Долгожданное
возвращение Брюса Кэмерона —
автора мирового бестселлера
«Жизнь и цель собаки»

Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы

Брюс Кэмерон

Путь домой

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кэмерон Б.

Путь домой / Б. Кэмерон — «Эксмо», 2017 — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы)

ISBN 978-5-04-090277-4

Однажды в конуре под домом Лукас Рэй находит щенка питбуля. Белла, так он называет собаку, становится для него близким другом. Милая и забавная, она по-настоящему украшает его жизнь, но неожиданно все меняется. Противники бойцовских пород решают: Белле не место в Денвере. Чтобы спасти животное от усыпления, Лукас отдает собаку друзьям. Но разве можно забыть того, кто спас тебе жизнь? Белла не забывает. Разлука с хозяином становится для нее страшным ударом. И тогда храбрая собака решается на отчаянный шаг – побег. Путь домой будет долгим, но Белла поймет самое главное – ради любимого человека можно вынести все.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-090277-4

© Кэмерон Б., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Брюс Кэмерон

Путь домой

W. Bruce Cameron
A Dog'S WAY HOME

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Я с самого начала знала, что рядом есть кошки.

Они были везде.

Я не могла по-настоящему их разглядеть – мои глаза уже открылись, но, когда кошки подходили близко, я различала только какие-то неясные силуэты, движущиеся в темноте. Однако я чувала их запах, ощущала его так же явственно, как запах моей матери, когда сосала ее, или как запах моих братиков и сестричек, которые шевелились, когда я протискивалась между ними, чтобы припасть к живительному источнику.

Тогда я, конечно, еще не знала, что это кошки – я понимала только, что они не такие существа, как я сама. Они жили в нашем логове, но не делали попыток сосать молоко моей мамы вместе со мной. Позднее, когда я увидела, что они маленькие, проворные и прыгучие, то поняла, что они не просто «не собаки», а животные, принадлежащие к совершенно иному племени.

Мы жили все вместе в нашем прохладном темном жилище. От сухой земли под моим носом исходили удивительные застарелые запахи. Я наслаждалась, вдыхая их, наполняя свой нос богатыми, восхитительными ароматами. Сверху, с сухого деревянного потолка, сыпалась пыль, и он нависал над нами так низко, что, когда моя мать вставала, поднявшись из утоптанного углубления в земле, которое служило нам постелью, чтобы на время покинуть меня и моих братиков и сестричек – повизгивающих в знак протеста и жмущихся друг к другу, чтобы было не так страшно – ее стоящий трубой хвост доходил до середины пространства между нами и потолочными балками. Я не знаю, куда ходила моя мать во время своих отлучек, знаю только, как нам всем было тревожно, пока она не возвращалась назад.

Единственным источником света в нашем логове была квадратная дыра в самом дальнем его конце. Через это окно в мир к нам лились ошеломительные запахи холода, сырости, чего-то живого – словом, вещей и мест, еще более упоительных, чем те, которые я могла обонять дома. Иногда даже мне удавалось увидеть через дыру огоньки машин, уезжающих в какой-то далекий мир или возвращающихся из какого-то неведомого мне места, моя мать всегда оттаскивала меня назад, когда я пыталась подползти к выходу из нашего логова.

Когда мои лапы окрепли, а зрение стало острее, я начала играть с котятками точно так же, как играла со своими братиками и сестричками. Чаще всего я подходила к одному и тому же кошачьему семейству, обитающему в укромных уголках задней части нашего общего дома, потому что два котенка из него были со мной особенно дружелюбны, а их мать иногда лизала меня. Про себя я называла ее Мама-Кошка.

Обычно после того, как я некоторое время весело резвилась в компании котят, моя собственная мама приходила и за шкуру вытаскивала меня из кучи маленьких кисок. Потом, когда она относила меня обратно к моим братикам и сестричкам, они всегда подозрительно обнюхивали меня. По этим их реакциям я поняла, что им не нравится остающийся на моей шерсти слабый кошачий дух.

Такова была моя радостная, чудесная жизнь, и у меня не было причин думать, что она когда-нибудь изменится.

* * *

Я сонно сосала молоко моей мамы, слыша попискивание моих братиков и сестричек, сосущих вместе со мной, когда наша мама вдруг вскочила так внезапно, что мои лапы оторвались от земли, прежде чем я сообразила выпустить из зубов ее сосок.

Я сразу же почувствовала, что происходит что-то странное.

По нашему дому распространилась паника, она передавалась от одних кошек и котов к другим, пока они все не бросились в заднюю часть логова; матери-кошки одного за другим перенесли туда за шкуру всех своих котят. Мои братики и сестрички и я кинулись к нашей маме, зовя ее. Мы были напуганы, так как чувствовали ее панику.

По нашему дому заскользили пучки яркого света, от которого у меня заболели глаза. Свет исходил из дыры в стене, как и сопровождающие его непонятные звуки.

– Господи боже! Да в этом подполе целый миллион кошек!

Я понятия не имела, что производит этот шум и почему наше логово наполнилось слепящим мигающим светом. Из дыры в стене до меня донесся запах каких-то новых, совершенно не известных мне существ. Мы были в опасности, и угроза исходила от этих незнакомцев. Моя мама, шумно дыша, пригнула голову и начала отступать назад, и мы все, как могли, спотыкаясь, заковыляли за ней, тихим писком умоляя ее не оставлять нас.

– Дай мне взглянуть! О черт, как их тут много!

– Из-за них могут возникнуть проблемы?

– Да, черт возьми!

– Что ты собираешься делать?

– Нам придется вызвать сюда спеца по истреблению бродячих животных.

Я почувствовала некоторое различие между первым набором звуков и вторым, они отличались по тону и высоте, хотя я и не понимала, что они значат.

– Разве мы не можем просто потравить их сами?

– У тебя есть подходящая отравка в грузовике?

– Нет, но я могу ее достать.

Моя мама все никак не ложилась, чтобы мы вновь могли начать сосать ее молоко. Ее мышцы были напряжены, уши прижаты к голове, внимание сосредоточено на источнике странных звуков. Мне хотелось пососать ее молока и чтобы мы все снова могли чувствовать себя в безопасности.

– Если мы потравим их сами, дохлые кошки будут валяться по всему кварталу. Их тут слишком много. Если бы речь шла об одной или двух, я бы согласился, но здесь целая колония кошек.

– Ты хотел завершить снос дома к концу июня. Так что у нас не так уж много времени, чтобы избавиться от этих тварей.

– Знаю.

– Глянь-ка, там миски. Этих проклятых тварей кто-то кормит.

Пучки света опустились и сошлись вместе, образовав пылающее пятно на земле, прямо перед дырой.

– Ничего себе! Черт, куда катится мир?

– Хочешь, я попытаюсь разузнать, кто приносит им еду?

– Не-а. Когда кошек тут не будет, проблема рассосется сама собой.

Рышущие по нашему дому пучки света скользнули по земле еще раз и погасли. Я услышала, как зашевелилась земля, и до меня донеслись явственные звуки тяжелых шагов, куда более громкие, чем бесшумная поступь кошек. Появление новых существ у дыры мало-помалу забылось, и постепенно котята возобновили свои игры, снова чувствуя себя счастливыми. Мы с моими братиками и сестричками пососали еще молока, потом я пошла проведать котятков Мамы-Кошки. Как обычно, когда проникающий в квадратную дыру дневной свет становился более тусклым, взрослые кошки и коты один за другим выходили вон, и ночью я часто слышала, как они возвращаются, и иногда чужла запах крови, исходящий от добытых маленьких зверьков, которых они приносили своим котяткам.

Но когда охотилась моя мама, она уходила не дальше больших мисок сухого корма, стоящих у самой дыры. Я почуяла запах этой еды в ее дыхании, запах рыбы, растений и мяса, и мне стало интересно, каково все это на вкус.

От того, что вызвало у нас панику, что бы это ни было, не осталось и следа.

* * *

Я играла с настырными котятами Мамы-Кошки, когда наш мир рухнул. На этот раз свет пришел не в виде отдельных пучков, а в виде слепящего взрыва, ярко осветившего все.

Кошки, коты и котята в ужасе разбежались. Я застыла на месте, не зная, что делать.

– Приготовьте сети, когда кошки побегут наружу, они выбегут все сразу!

С той стороны дыры слышалось:

– Мы готовы!

Вслед за источником света в дыру протиснулись трое больших существ. Это были первые люди, которых я увидела, но до этого, как я только что поняла, мне уже приходилось чують запахи людей – просто тогда я не могла себе представить, как они выглядят. Где-то в самых глубинах моего естества вспыхнула искра узнавания – я почувствовала какое-то странное влечение к ним, мне захотелось подбежать к ним, когда они на четвереньках вползали в наш дом. Но почти осязаемый страх, исходивший от обезумевших кошек, остановил меня.

– Одного поймал!

Пойманный кот зашипел и истошно мяукнул.

– Вот черт!

– Следи за ними в оба, парочка этих тварей только что удрала.

– Черт бы их подрал! – слышался голос с улицы.

Мамы уже не было рядом, и я попыталась отделить ее запах от запахов окружающих меня кошек и котят, а потом обмякла, потому что острые зубы впились в мой загривок, и Мама-Кошка потащила меня назад, в тень, туда, где в каменной стене зияла огромная трещина. Она втокнула меня в самую глубину трещины, в маленькое тесное пространство, и положила на землю рядом со своими котятами, а потом, свернувшись, улеглась и сама. Следуя ее примеру, все котята лежали тихо-тихо. Я лежала вместе с ними в темноте и слушала, как громко переговариваются люди.

– Тут еще и помет щенят!

– Ты что, шутишь? Эй, хватай вон того!

– Кис-кис-кис, иди сюда, киска, мы тебя не обидим.

– А вон мать этих щенков.

– Она испугана до смерти. Смотри, как бы она тебя не покусала.

– Все в порядке, девочка, все в порядке. Выходи.

– Гантер ничего не говорил нам про собак.

– Он и не сказал, и что здесь такая уйма этих чертовых кошек.

– Эй, вы там, на улице, вы принимаете их в свои сети?

– Их чертовски трудно поймать! – крикнул голос с улицы.

– Иди сюда, собачка. А, черт. Осторожно! Сейчас к вам вылезет сука-мать!

– Ага, вот и она! Все, мы ее поймали! – откликнулся голос с улицы.

– Тихо, щеночек, тихо. Они такие маленькие!

– И уж как пить дать, их куда легче ловить, чем этих чертовых котов!

Мы слышали все эти звуки, не понимая, что они могут значить. К нам в трещину проник слабый свет, но человеческие запахи к нашему укрытию не приближались. Витавший в воздухе запах кошачьего страха постепенно ослабел, и звуки снаружи стихли.

В конце концов я уснула.

* * *

Когда я проснулась, моей мамы нигде не было. Не было и моих братиков и сестричек. Углубление в земле, где мы появились на свет и где лежали, сося молоко нашей мамы, все еще пахло семьей, но, когда я, принюхиваясь, попыталась отыскать в потемках по этому запаху маму, меня охватило чувство такого одиночества и пустоты, что я заскулила и из моего горла вырвался всхлип.

Я не понимала, что произошло, но единственными кошками, которые остались в нашем доме, были Мама-Кошка и ее котята. Охваченная отчаянием, ища ответов и ощущения хоть какой-нибудь безопасности, я подошла к ней опять, писком выражая свой страх. Она уже вытащила своих котят из укрытия в стене, и все они снова собрались на квадратной тряпице, на которую я смотрела как на их дом. Мама-Кошка обнюхала меня всю своим черным носом, потом легла и свернулась вокруг меня, и я, привлеченная молочным запахом, припала к ее соску. Ощущение на моем языке было незнакомым и странным, но я жаждала тепла и пищи и была ей за них благодарна. Несколько мгновений спустя ко мне присоединились и ее котята.

* * *

Наутро в наше логово вернулось несколько котов. Они приблизились было к Маме-Кошке, но она зашипела, предупреждая их, чтобы они не подходили ближе, и они, удалившись в свой угол, легли спать.

Позднее, когда свет, льющийся в дыру, достигнув своей наибольшей яркости, постепенно начал тускнеть, я почувяла слабый запах еще одного человека, отличный от запахов тех других. Теперь, осознав это отличие, я поняла, что этот запах мне знаком.

– Кис-кис-кис!

Мама-Кошка неожиданно поднялась со своей тряпицы. Странное внезапное ощущение холода, накрывшее нас с ее уходом, повергло всех в шок, и мы еще теснее прижались друг к другу в поисках успокоения и тепла, сгрудившись в бархатающуюся кучку из множества котят и одного щенка. Я видела, как Мама-Кошка подошла к дыре, но не вылезла из нее, а остановилась перед ней в пятне тусклого света. Коты насторожились, но не пошли вслед за ней туда, где находился человек.

– Ты осталась здесь одна? Я не знаю, что тут произошло, меня тогда не было рядом, но на земле остались следы от колес грузовиков, так что я знаю, что сюда приезжали грузовики. Они что, забрали всех остальных кошек? Человек заполз в дыру, на мгновение полностью заслонив от нас дневной свет. Это был самец – я поняла это по его запаху, хотя различие между мужчинами и женщинами мне предстояло узнать лишь позднее. Он показался мне немного крупнее, чем первые люди, которых видели мои глаза.

И вновь меня потянуло к этому особенному существу, и во мне поднялась какая-то необъяснимая тоска. Но вспомнив ужас, который я пережила накануне, я все же решила остаться вместе с моими новыми братиками и сестричками – котятами Мамы-Кошки.

– Ну ладно, киски, я вас вижу. Как же вам удалось убежать? И они к тому же унесли с собой ваши миски. Вот люди!

Послышалось шуршание, и воздух наполнился восхитительным ароматом еды.

– Я принес вам немного корма. Пойду схожу за новой миской. И принесу вам воды.

Человек, пятясь, выполз из дыры. Едва он ушел, коты ринулись вперед и стали жадно поедать корм, который он высыпал на землю.

Я поняла, что этот человек вернулся, раньше Мамы-Кошки и котов, как будто они не могли распознать его запах, даже когда тот сделался сильнее. Однако, когда он вновь подошел

к дыре, все коты отреагировали так же, как и прежде, со всех ног бросившись в свой угол. Только Мама-Кошка продолжала упорно стоять на своем месте. Он просунул в дыру новую миску с едой, но Мама-Кошка не подошла к ней, а просто стояла и смотрела. Я чувствовала, как она напряжена, и понимала, что она готова тут же отпрыгнуть и убежать, если он попытается схватить ее по примеру других людей.

– Вот тебе и вода. У тебя есть котята? Да, я вижу, что ты кормящая мать. Они что, забрали у тебя твоих малышей? О киска, мне так жаль. Знаешь, все эти дома скоро снесут, чтобы построить здесь многоквартирный жилищный комплекс. Так что тебе и твоей семье нельзя здесь оставаться, понимаешь?

В конце концов человек ушел, и Мама-Кошка и коты снова принялись за еду. Когда Мама-Кошка вернулась к нам, я понюхала ее рот, но, когда я лизнула ее в морду, она резко отвернулась.

Время шло, его течение знаменовалось изменениями характера света, который лился в наш дом через квадратную дыру. К нам пришло еще несколько котов, в том числе некоторые из тех, что жили с нами прежде, а также еще одна кошка, чье появление стало причиной драк между котами, за которыми я наблюдала с большим интересом. Одна пара дерущихся котов пролежала на земле, сцепившись друг с другом, так долго, что мне было понятно, что они не спят только по тому, как металась из стороны в сторону их хвосты, но это было не радостное виливание, а выражение утомления и боли. Когда они наконец расцепились, то растянулись на земле, почти касаясь друг друга носами, и принялись пугать друг друга, издавая звуки, совсем не похожие на те, которые я прежде слышала от кошек и котов. В другой драке один из котов лежал на боку, ударяя лапами того, который стоял. Тот, который стоял, бил лежавшего по голове, а тот отвечал противнику, раз за разом деря его когтями.

Почему они не могли просто встать на задние лапы и атаковать друг друга? Их поведение не только вызывало напряжение у нас всех, но и казалось мне совершенно лишним смыслом.

За исключением Мамы-Кошки, я не общалась ни с кем из взрослых кошек и котов, а они вели себя так, будто меня просто не существует. Я возилась с котятами, мы боролись, залезали друг на друга или гонялись друг за другом целый день. Иногда я рычала на них, раздраженная тем, как они играют, потому что этот способ игры казался мне каким-то не таким. Мне хотелось запрыгивать им на спинки и вцепляться зубами в их загривки, но они никак не могли уловить суть этой игры и просто обмякали, когда я опрокидывала их и прыгала на их крошечные тельца. Иногда они сворачивались вокруг моей морды или с размаху колотили по ней своими лапками с острыми коготками, нападая на меня со всех сторон.

Ночами я тосковала по своим родным братикам и сестричкам. Я тосковала по маме. У меня была семья, но я понимала, что кошки совсем не такие, как я. У меня была стая, но эта стая состояла из котят, и мне казалось, что это совсем не то. Я чувствовала себя несчастной и порой скулила от гнетущей меня тоски, и тогда Мама-Кошка облизывала меня, и мне на время становилось лучше, но все вокруг меня явно было совсем не таким, каким должно было быть.

Тот человек приходил почти каждый день и приносил еду. Всякий раз, когда я пыталась приблизиться к нему, Мама-Кошка наказывала меня, ударяя по носу, и в конце концов я усвоила правила жизни в нашем логове: мы не должны были показываться на глаза людям. Ни кошки, ни котята явно не ощущали никакого желания, чтобы их потрогал человек, мне же все сильнее и сильнее хотелось, чтобы он взял меня на руки, и мне становилось все труднее соблюдать законы нашего логова.

Когда Мама-Кошка перестала кормить нас своим молоком, нам пришлось приспособиться к той пище, которую приносил нам человек и которая состояла из вкусных сухих кусочков и иногда из диковинного сырого мяса. Когда я привыкла к своему новому рациону, оказалось, что он подходит мне куда лучше, чем молоко Мамы-Кошки, – я так долго голодала, что чувство голода стало для меня чем-то естественным, но теперь я могла есть досыта и лакать

воды сколько влезет. Я ела и пила больше, чем все мои братики и сестрички – котята, вместе взятые, и была теперь заметно крупнее любого из них, хотя на них мои размеры не производили никакого впечатления, и они по-прежнему отказывались играть правильно, продолжая в основном вонзать свои коготки в мой нос.

По примеру Мамы-Кошки мы держались на расстоянии от дыры, когда ее заслонял человек, но в другое время отваживались подходить к самому ее краю, упиваясь восхитительными ароматами, доносящимися снаружи. Иногда по ночам Мама-Кошка выходила из логова, и я чувствовала, что все ее котята хотят присоединиться к ней. Меня же больше манил дневной свет, но я помнила уроки Мамы-Кошки и понимала, что она меня тут же накажет, если я забреду за пределы нашей норы.

Однажды человек, запах которого был знаком мне уже так же хорошо, как запах Мамы-Кошки, подошел к дыре, издавая звуки. И я почуяла рядом с ним также и других людей.

– Они обычно держатся в задней части подпола. Их мать подходит ближе, когда я приношу еду, но она не дает мне себя погладить.

– А из подпола есть еще какой-нибудь выход, кроме этого окна? – Этот голос принадлежал другому человеческому существу с другим запахом – он принадлежал женщине. Я невольно завилыла хвостом.

– Вряд ли. Как мы будем действовать?

– У нас есть рукавицы, чтобы защитить руки, и, если вы встанете здесь с сетью, вы сможете поймать всех кошек, которых не сможем изловить мы. Сколько их там?

– Не знаю. До недавнего времени кошка, которая подходит обычно к дыре, явно выкармливала котят, но ее котята никогда не показывались из своего укрытия днем. Тут есть и несколько взрослых особей, не знаю, какого пола. Их здесь была уйма, но думаю, их всех переловили представители застройщика. Он собирается снести весь этот ряд домов и возвести на их месте жилой комплекс.

– Ему никогда не дадут разрешения на снос, пока здесь живут бездомные кошки.

– Наверное, поэтому он от них и избавился. Как вы думаете, те, кого он послал, сделали им что-то плохое?

– Ну, в общем-то, нет закона, который запрещал бы отлавливать и уничтожать кошек, обитающих в помещениях, которые находятся у тебя в собственности. То есть я хочу сказать, что его люди могли отвезти их в какой-нибудь другой приют.

– Их тут было очень много. Этот подпол так ими и кишел.

– Но знаете, я ничего не слышала о том, что в какой-то из приютов привезли много кошек. В сообществе защитников животных все друг друга знают и сообщают друг другу все новости. Если бы какой-то приют принял сразу два десятка кошек, я бы об этом узнала. Ох, вам плохо? Простите, наверное, мне не стоило вам об этом говорить.

– Обо мне не беспокойтесь. Просто я жалею, что ничего не знал, о том, что они собираются избавиться от всех обитавших здесь кошек.

– Но вы правильно сделали, что обратились к нам, Лукас. Мы найдем хороший дом для каждой из этих кисок. Ну, как вы? Готовы?

Мне наскучило слушать эти монотонные звуки, и я была целиком поглощена возней с котятами, когда почувствовала, что Мама-Кошка вся напряглась от пронзившего ее страха. Она, не мигая, уставилась на дыру, и ее хвост задергался, а уши прижались к голове. Я посмотрела на нее с любопытством, не обращая никакого внимания на котенка, который подбежал ко мне, стукнул меня лапкой по губам и тут же отбежал прочь.

Вспыхнул ослепительный свет, и мне сразу же стал понятен ее страх. Мама-Кошка шмыгнула к задней стене, бросив своих котят. Я видела, как она беззвучно проскользнула в скрытую трещину как раз в тот миг, когда через дыру в наш дом проникли два человеческих существа.

Котята растерянно засуетились, коты удрали в заднюю часть нашего логова, а я, испугавшись, отбежала в сторонку.

Луч света заскользил по стенам, потом уперся в меня, ослепив глаза.

– Смотрите! Здесь щенок!

Глава 2

– Кис-кис-кис! – Женщина ползла на коленях вперед, вытянув перед собой руки. Ткань на ее руках была пропитана запахами множества разных животных, в основном кошек.

Котята в ужасе бросились врассыпную. Но их бегство было хаотичным, они кидались то туда, то сюда, и ни один из них не побежал к трещине в стене, где, съжившись, пряталась Мама-Кошка, хотя я хорошо чувяла ее запах и ощущала ее страх. Остальные взрослые обитатели нашего дома чувствовали себя не лучше, хотя большинство из них застыли на месте, в ужасе уставившись на приближающееся человеческое существо. Один кот ринулся было к дыре и зашипел, когда женщина схватила его руками в толстых рукавицах. Потом она бережно передала его в такие же покрытые тканью руки другого человеческого существа. Еще двое моих взрослых соседей прошмыгнули мимо нее и выбежали на волю.

– Вы их поймали? – громко спросила женщина.

– Только одного! – послышался ответный крик. – Второму удалось удрать.

Я знала, что должна была сделать. Я должна была пойти к моей маме. Но что-то во мне восстало против такого порыва – вместо этого меня потянуло к ползущей ко мне женщине, она меня просто заворожила. Меня влекло к ней неудержимо – и хотя меня прежде никогда не касался человек, я совершенно ясно представляла, что почувствую, когда кто-нибудь из них дотронется до меня, как будто вспомнив что-то, происходившее давным-давно. Женщина поманила меня рукой, не обращая внимания на то, что остальные взрослые коты промчались мимо нее и выскочили из дыры.

– Иди ко мне, щеночек! – И я бросилась вперед, прямо в ее объятия, радостно виляя хвостом.

– О боже, какой ты милый!

– Мы поймали еще двоих! – крикнул голос снаружи.

Я лизнула женщину в лицо, ерзя и вертясь.

– Лукас, я поймала щенка, вы можете просунуть сюда руки и взять его у меня? – Она подняла меня выше и посмотрела на мой животик. – То есть взять ее. Это девочка.

Дыру заслонило лицо мужчины, который приносил нам еду, и воздух наполнился его знакомым запахом. Он протянул ко мне руки, нежно обхватил меня ими, потом извлек из дыры, и я увидела мир. Мое сердце забило часто-часто, но не от ужаса, а от безграничной радости. Я по-прежнему чувяла запахи оставшихся там, в логове, котят, чувствовала их страх, и в воздухе витал сильный запах Мамы-Кошки, но сейчас мне хотелось только одного – чтобы меня держал в своих руках этот человек. Потом он поставил меня на прохладную землю и начал по ней катать, я могла, играя, прикусывать его пальцы и бросаться на него опять и опять.

– Какая ты глупышка! Такой глупый маленький щенок!

Пока мы с мужчиной играли, женщина по одному вытаскивала наружу котят и передавала двум мужчинам, которые сажали их в клетки, стоящие в кузове грузовичка. Маленькие киски мяукали от испуга, и от мольбы, звучащей в их голосах, мне стало грустно, ведь я была их большой сестричкой, но я ничем не могла им помочь. Я подумала, что наша мама скоро присоединится к ним и тогда они почувствуют себя лучше.

– Думаю, мы поймали их всех, – сказала женщина, подойдя к месту, где я играла с мужчиной. – Кроме тех, которым удалось убежать.

– Да, простите, что так вышло. Ваши люди изловили тех, которые бежали в их сторону, но от меня вам было мало толку.

– Ничего. Для этого нужна практика.

– А что будет с теми, которым удалось от нас сбежать?

– Надеюсь, они не вернуться сюда сразу, ведь рабочие скоро снесут эти дома. Женщина опустилась на колени и потрепала меня по ушам. Оказаться объектом внимания сразу двух человеческих существ было самым чудесным из всего того, что когда-либо происходило в моей жизни. – Там больше не было собак. Понятия не имею, что там делала эта малышка.

– Я никогда ее прежде там не видел, – сказал мужчина. – Я всегда видел только кошек. Интересно, сколько ей недель?

– Не знаю, может быть, восемь? Она вырастет крупной, это видно уже сейчас. Вы только посмотрите на ее лапы.

– Кто она? Овчарка? Мاستиф?

– Нет. То есть, я думаю, среди ее предков был и мاستиф, но в ее мордочке есть что-то и от стаффордширского терьера или, может быть, от ротвейлера. Трудно сказать. Вероятно, тут намешан целый коктейль из собачьих ДНК.

– Она выглядит здоровой. Я хочу сказать, если она жила в этом подполе, – заметил мужчина. Он поднял меня с земли, и я расслабилась в его руках, а когда он поднес меня к своему лицу, я попыталась, играя, схватить зубами его нос.

– Ну хорошо, я думаю, вряд ли она там жила, – сказала женщина. – Вероятно, она попала туда, просто увязавшись за одним из котят или взрослых котов. Кстати, когда вы последний раз видели кошку-мать?

– Несколько дней назад.

– В подполе ее не было, так что мы, должно быть, пришли в неудачное время, как раз тогда, когда она вышла на охоту. Если увидите ее, дайте мне знать, хорошо, Лукас?

– А у вас есть с собой визитка?

– Само собой.

Мужчина поставил меня на землю, потом он и женщина выпрямились. Она ему что-то отдала. Я встала на задние лапы, упершись передними в его ноги, потому что мне хотелось обнюхать эту штуку. Мне было интересно все, что делал этот мужчина, и больше всего на свете мне хотелось, чтобы он опять опустился на корточки и поиграл со мной еще.

– Одри, – сказал мужчина, глядя на какую-то маленькую штуку, которую он держал в руке.

– Если меня не будет, поговорите с любимым, кто возьмет трубку. Они все знают про этот дом. Мы сразу приедем и постараемся поймать всех кошек, которые, возможно, еще вернуться сюда. Да, кстати, я навела справки и узнала, что в последнее время никто не привозил ни в какой приют Денвера большую колонию кошачьих семей. Так что, думаю, придется предположить самое худшее.

– Как человек может сотворить такое? – спросил мужчина, и в его голосе прозвучала боль. Я прыгнула на его ноги, чтобы дать ему знать, что если ему грустно, то тут рядом есть щенок, который сможет прогнать прочь все его печали.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что я совсем не понимаю людей.

– У меня так противно на душе.

– Не изводите себя. Ведь вы не могли знать, что задумал этот застройщик. Хотя я не понимаю, почему они не могут просто взять и отвезти животных в какой-нибудь приют. Мы смогли бы пристроить некоторых кошек в хорошие руки, и нам известны места, где одичавшим кошкам ничего не грозит. Но некоторые люди просто не желают себя утруждать. – Женщина подняла меня с земли. – Ну, малышка, ты готова пойти со мной?

Я завалила хвостом, потом повернула голову, чтобы посмотреть на мужчину. Я хотела, чтобы меня снова коснулись его руки, именно его, а не чьи-либо еще.

– Одри?

– Да?

– Я считаю этого щенка своей собакой. Ведь, по сути, это я ее нашел.

– Ах, вот как. – Она поставила меня на землю, и я подошла к мужчине и стала грызть его ботинки. – Но по нашим правилам мне нельзя просто взять и пристроить животное таким вот образом. То есть я хочу сказать, что для этого есть соответствующая процедура.

– Но если это с самого начала была моя собака, то есть, если я возьму ее к себе, это не будет считаться пристройством.

– Допустим. Послушайте, я не хочу, чтобы ситуация стала неловкой. Вы вообще-то имеете возможность завести щенка? Где вы живете?

– Здесь рядом, в одной из квартир в доме напротив. Поэтому я и обнаружил этих кошек. Я постоянно прохожу мимо и однажды просто решил начать подкармливать их.

– Вы живете один?

В настроении мужчины произошла какая-то неуловимая перемена. Я задрала голову и настороженно посмотрела на него, желая, чтобы он опять поднял меня с земли. Мне хотелось лизнуть его в лицо.

– Нет, я живу со своей матерью.

– Ах, вот оно что.

– Нет, это совсем не то, что вы подумали. Она больна. Она служила в армии, и после возвращения из Афганистана у нее развились кое-какие симптомы. Так что я одновременно учусь и работаю с Администрацией по делам ветеранов, чтобы оказывать ей необходимую помощь.

– Мне очень жаль, что ваша мать больна.

– Я прохожу курс обучения в режиме онлайн. Это подготовительный курс для поступления на медицинский факультет. Так что я много времени провожу дома, и моя мать тоже. Мы вполне можем дать этой малышке столько внимания, сколько ей нужно. И думаю, если у нас появится собака, это пойдет на пользу нам обоим. Видите ли, мама пока не может удержаться ни на какой работе.

Мужчина нагнулся и поднял меня. Наконец-то! Он держал меня на руках, а я, расслабившись, смотрела на его лицо. В моей жизни происходило что-то важное, я это чувствовала, хотя и не очень понимала суть происходящего. Похоже, логово, где я родилась и где Мама-Кошка все еще пряталась в трещине, съездившись от страха, навсегда останется позади. Теперь я буду жить с этим мужчиной, куда бы он меня ни унес. Именно этого я и хотела – быть с ним.

– А у вас раньше когда-нибудь был щенок? – спросила женщина. – С ними ведь уйма хлопот.

– Я рос в доме моей тети. У нее было два йоркширских терьера.

– Но эта девочка уже сейчас крупнее, чем любой йоркширский терьер. Извините, Лукас, но я не могу позволить вам забрать ее. Это было бы неэтично. У нас есть целая процедура по проверке и одобрению кандидатур тех, кто желает взять животное к себе в дом, – одна из причин того, что наших питомцев так редко отдают обратно в приют, – это то, что у нас очень строгие требования к тем, кто выражает желание их взять.

– И к чему вы мне все это говорите?

– К тому, что мой ответ – нет. Я не могу позволить вам забрать ее.

Мужчина посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ну, что малышка, ты это слышала? Они хотят забрать тебя у меня. Ты этого хочешь? Он придвинул ко мне лицо, я лизнула его, и он опять улыбнулся. – Щенок и я оба голосуем за то, чтобы она осталась со мной. Два голоса против одного, – мягко сказал он женщине.

– Ха, – ответила она.

– Я думаю, все происходит не просто так, на все есть своя причина. Была своя причина и для того, чтобы эта малышка жила под домом, прячась в подполе вместе с кошками, и думаю, эта причина состоит в том, что именно мне было предопределено найти ее.

– Извините, но существуют определенные правила.

Он кивнул.

– Всегда существуют какие-то правила, и всегда есть исключения из этих правил. И это одно из них.

Несколько мгновений они стояли молча.

– Людям когда-нибудь удается одержать над вами верх? – спросила она наконец. – Я хочу сказать, победить вас в споре?

Мужчина моргнул.

– Ну конечно. Но только не в этом случае.

Одри покачала головой и улыбнулась.

– Ну, так и быть, ведь, как вы правильно заметили, это вы ее нашли. Вы сможете отвезти ее к ветеринару немедленно? Скажем, уже завтра? Если вы пообещаете мне это сделать, думаю, я смогу отдать ее вам... Да, вот еще что, позвольте мне дать вам кое-что – у меня тут есть несколько ошейников и поводков и немного корма для щенков.

– Ну, щенок, хочешь пойти жить ко мне?

На лице мужчины играла веселая улыбка, но в голосе прозвучало что-то такое, чего я не поняла. Кажется, его что-то беспокоило, какая-то тревожная мысль. Что бы ни должно было произойти потом, он этого опасался.

* * *

Мама-Кошка так и не вышла наружу. Я продолжала чують ее запах, пока мужчина уносил меня прочь от логова, и представляла себе, как она по-прежнему сидит в своем тесном укрытии, сжавшись от страха перед людьми. Я этого не понимала – чего их бояться? Я была уверена, что никогда еще не видела ничего изумительнее и прекраснее, чем человек, который сейчас держал меня на руках, и никогда не чувствовала ничего чудеснее, чем прикосновение его рук к моей шерстке.

Когда люди закрыли дверцу своего грузовичка, звуки мяуканья моих братиков и сестричек – котят сразу же прекратились, а потом грузовичок уехал, оставив в воздухе только слабые следы запаха моей кошачьей семьи. Я было начала гадать, когда я увижу их опять, но у меня не было времени долго размышлять над тем, что нас так странно разделили – мои братики и сестрички отправились в одну сторону, наша Мама-Кошка в другую, а я в третью. Потому что вокруг было так много новых запахов и картин, что у меня от них голова шла кругом. Когда человек принес меня в место, которое я скоро научусь считать своим домом, я почуяла запахи еды, пыли, каких-то химикатов и запах женщины. Он поставил меня на пол, и я ощутила под своими лапами приятную мягкость ковра. Когда мужчина перешел в другое место комнаты, я побежала за ним, и, когда он согнул ноги и сел, чтобы побыть рядом со мной, я прыгнула ему на колени.

Я чувствовала нарастающую в нем тревогу, это было что-то на его коже – так же напрягалась и Мама-Кошка, когда чуяла приближение людей.

– Лукас? – Это был голос женщины. Мысленно я соединила этот голос с ее запахом, наслоившимся на всех предметах, которые находились в комнате.

– Примет, мамуль.

Женщина вошла в комнату и остановилась. Я подбежала к ней, виляя хвостом. Мне хотелось облизать ее руки.

– Что это? – Ее глаза расширились, рот открылся.

– Это щенок.

Она опустилась на колени и протянула ко мне руки, и я бросилась к ним и, перевернувшись на спинку, прикусила ее пальцы.

– Лукас, я и так вижу, что это щенок. Но что он тут делает?

– Это не он, а она.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Из приюта для животных прислали людей, чтобы забрать туда оставшихся кошек. Во всяком случае, большую их часть. Там, под домом, оказались маленькие котята, и среди них был этот щенок, – ответил Лукас.

– И ты принес ее домой, потому что...

Он подошел к нам и сел на корточки рядом с женщиной, и теперь меня касались уже два человеческих существа!

– Потому что взгляни на нее. Кто-то бросил ее на произвол судьбы, и она каким-то образом попала в тот подпол и могла умереть там от голода.

– Но ты не можешь держать у себя собаку, Лукас.

Страх, который испытывал до этого мужчина, миг прошел, и я смутно поняла, что теперь в нем поднимается какое-то другое чувство. Его тело напряглось еще больше, лицо стало жестким.

– Я так и знал, что ты это скажешь.

– Конечно, скажу. Мы и так едва сводим концы с концами, Лукас. А тебе известно, как дорого обходится содержание собаки? Все эти счета от ветеринара и расходы на собачий корм – очень скоро набегит весьма кругленькая сумма.

– Я прошел еще одно собеседование в Администрации по делам ветеранов, и мне сказали, что доктор Ганн непременно одобрит мою кандидатуру, ведь я теперь всех там знаю. Так что у меня будет работа и появится достаточно денег.

Его руки гладили меня, и я почувствовала, что расслабляюсь и скоро задремлю.

– Вопрос не только в деньгах. Мы с тобой уже говорили на эту тему. Я просто хочу, чтобы ты полностью сосредоточился на своем поступлении на медицинский факультет.

– Я и так много занимаюсь! – Его голос зазвучал резко, и я сразу же забыла обо всей своей усталости. – Может быть, тебя не устраивают мои оценки? Если дело в этом, давай обсудим.

– Конечно же, дело не в этом. При чем тут твои оценки? То, что ты можешь нести на своих плечах такое бремя и все равно неизменно получать четыре балла из четырех возможных – по-моему, это просто поразительно.

– Тогда в чем же дело: в том, что ты не желаешь, чтобы я завел собаку, или в том, что тебе не хочется, чтобы я принял такое важное решение сам?

Меня встревожил его тон. Я ткнула носом в его руку, надеясь, что он поиграет со мной и забудет о том, что его расстроило.

Последовала долгая пауза.

– Ну хорошо. Знаешь, я просто все время забываю, что тебе уже двадцать четыре года. И слишком легко возвращаюсь к тем отношениям между матерью и сыном, которые у нас были всегда.

– Вот именно – были всегда. – Его голос прозвучал как-то безжизненно, почти не выражал никаких эмоций.

Последовала еще одна пауза.

– Да, если не считать большей части твоих детских лет. Ты прав, – грустно сказала она.

– Прости. Не знаю, почему я об этом вспомнил. Я не хотел тебя обидеть.

– Нет, нет, ты совершенно прав. И мы можем говорить об этом так часто, как тебе будет нужно, и я всегда буду с тобой соглашаться, потому что за свою жизнь я приняла уйму неверных решений и многие из них были связаны с тем, что я оставила тебя и уехала. Но теперь я стараюсь загладить свою вину.

– Я знаю, мамуля.

– Ты прав насчет щенка. Просто моим первым побуждением было отнестись к этому так, словно ты все еще подросток, а не взрослый мужчина. Но давай подумаем об этом вместе,

Лукас. По условиям договора аренды нашей квартиры в доме нельзя держать никаких животных.

– А кто об этом узнает? Наверное, единственное преимущество того, что мы живем в квартире, которую все в нашем доме считают самой паршивой, – это то, что ее дверь выходит на улицу, а не во двор. Я стану выносить щенка на улицу на руках, и к тому времени, когда я буду ставить ее на землю, никто из нашего жилого комплекса уже не сможет определить, где я живу. Я никогда не буду выпускать ее во двор, и она все время будет на поводке. – Мужчина перевернул меня на спинку и поцеловал в животик.

– Но у тебя еще никогда не было собственной собаки. Это большая ответственность.

Мужчина ничего не ответил, а просто продолжил тыкать носом в мой животик. И тогда женщина рассмеялась, весело, беззаботно.

– Пожалуй, в чем ты совершенно не нуждаешься, так это в моих нравоучениях о том, как быть ответственным.

* * *

За следующие несколько дней я приспособилась к моей новой чудесной жизни. Женщину, как я скоро узнала, звали Мамуля, а мужчину – Лукас. – Хочешь лакомство, Белла? Лакомство?

Я смотрела на Лукаса, чувствуя, что он чего-то от меня ждет, но не понимала, чего именно. Тогда он вынул руку из кармана, дал мне маленький кусочек мяса, и на мой язык обрушилась целая лавина восхитительных ощущений.

Лакомство! Скоро это стало моим самым любимым словом.

Я спала вместе с Лукасом среди мягких одеял, которые я немного порвала, прежде чем понять, как это его огорчает. Лежать рядом с ним было еще приятнее, чем под боком у Мамы-Кошки. Иногда я осторожно брала его пальцы в рот, когда он спал, не для того, чтобы укусить, а для нежного-нежного прикусывания, исполненного такой любви, что у меня даже начинала слегка ныть нижняя челюсть.

Он называл меня Белла. Несколько раз в день Лукас брал в руки поводок, как он называл ту штуку, которая со щелчком пристегивалась к «ошейнику». Он использовал этот поводок, чтобы тащить меня на нем в ту сторону, куда ему хотелось идти. Поначалу я ненавидела эту штуку, потому что никак не могла уразуметь, почему меня тянут за шею в одну сторону в то время, когда я чую запахи множества чудесных вещей, идущие с другой. Но потом я поняла, что когда Лукас снимает поводок с крючка рядом с дверью, это значит, что мы с ним сейчас пойдем «гулять», а мне это так нравилось! А еще я очень любила, когда мы возвращались домой и дома была Мамуля, я бежала к ней, чтобы она меня потискала, любила, когда Лукас наполнял мою миску кормом, садился, чтобы я могла поиграть с его ногами.

Еще я любила бороться с ним и то, как он сажал меня к себе на колени. Я любила его самого. Лукас был центром моего мира, и всегда, когда мои глаза были открыты, а нос ощущал запахи, я стремилась к нему. И каждый день приносил мне новые радости, и я училась новым играм с моим Лукасом, моим человеком.

– Белла, ты самый лучший щенок на свете, – часто говорил он мне, целуя.

Мое имя было Белла, и скоро я стала мысленно называть себя именно так: Белла.

По крайней мере, один раз в день мы ходили к моему прежнему логову. Там было несколько стоящих в ряд домов, в которых не было людей, но только в одном из них обитали кошки. Дома были обнесены забором из проволочной сетки, но Лукас всякий раз оттягивал сетку от столба, к которой она была прикреплена, и мы подходили к логову.

Оттуда по-прежнему шел сильный запах Мамы-Кошки, но запахи ее котят постепенно становились все слабее. Я знала также, и что туда вернулись некоторые из живших там прежде

котов. Лукас приносил им всем еду и воду, но мне не разрешалось есть этот корм. И еще мне нельзя было входить в логово, чтобы проведать мою маму.

– Ты ее видишь? Видишь ту киску? Она совсем рядом и наблюдает за нами, Белла. Ее можно разглядеть, хотя она и прячется в темноте, – тихо говорил мне Лукас.

Я любила слушать звук моего имени. Я чувствовала, что в голосе Лукаса звучит какой-то вопрос, но этот вопрос не приводил к получению новых лакомств. Пусть я не понимала смысла его слов, но я была рядом с Лукасом, так что все остальное было неважно.

Однажды днем я лежала на ноге Лукаса, на которую я свалилась от усталости после особенно жесточной игры в «атаку на тапки». Мне было неудобно так лежать, но я была слишком утомлена, чтобы шевелиться, так что моя голова находилась намного ниже остального тела.

Вдруг я услышала громкое урчание, оно становилось все громче, и в конце концов Лукас пошевелился, так что я поняла – он тоже его услышал.

– Белла, что это?

Я с трудом встала на лапы. Гулять? Лакомство? Лукас подошел к окну и посмотрел на улицу.

– Мамуля! – тревожно крикнул он.

Женщина вышла из своей комнаты.

– В чем дело?

– Они привезли экскаватор! Они собираются снести тот дом, а там все еще живут кошки! – Мамуля подошла к окну, а Лукас подошел к столу и торопливо выдвинул ящик. – Вот, смотри. Это карточка с телефоном приюта, который спасает бродячих животных. Позови Одри, а если ее не будет, просто скажи, что застройщик сейчас снесет дом и все кошки погибнут!

Лукас снял поводок с крючка и пристегнул его к моему ошейнику, и, пока он делал это, я ясно чувствовала, как от него исходит страх. Я встряхнулась и полностью проснулась.

– Я им позвоню. А что собираешься делать ты? – спросила Мамуля.

– Я должен их остановить!

– Лукас!

– Я должен их остановить!

И мы вместе выбежали на улицу.

Глава 3

Лукас выбежал из дома, таща меня за собой, и мы бросились на другую сторону улицы. Забор был частично разобран. Вокруг логова толпилась группа мужчин, и здесь же стояла огромная рычащая машина. Она производила на удивление низкий и громкий шум. Я присела, чтобы пописать, и один из мужчин отделился от группы и пошел к нам. От его ботинок исходили интереснейшие острые запахи масел и еще какие-то резкие ароматы, которые мне еще никогда не встречались.

– Под этим домом все еще обитают кошки, – сказал Лукас, когда мужчина подошел к нам. Лукас тяжело дышал, и его сердце билось гулко-гулко – я услышала это, когда он поднял меня и прижал к груди.

– О чем вы говорите? – спросил мужчина, хмурясь.

– Там кошки. Они обитают в подполе этого дома. Вы не можете его снести – это их убьет. Вы можете заняться другими домами, но в этом есть животные.

Мужчина пожевал свою нижнюю губу. Он взглянул на своих друзей, потом посмотрел на меня.

– Славный щенок. – Его рука была шершавой – я почувствовала это, когда он потрепал меня по голове, и еще я ощутила исходящие от нее запахи химикатов и различных почв, резкие и в то же время слабые.

Лукас сделал глубокий вдох и выдох и поставил меня на землю.

– Спасибо, – сказал он.

– Она помесь дога с мастифом, да?

– Кто?

– Твой щенок. У моего приятеля есть такой пес, и, когда он был маленьким, он выглядел так же. Я люблю собак.

– Это здорово. Может быть, она и в самом деле помесь дога и мастифа. Я просто не знаю, какой она породы. Собственно говоря, ее спасли, достав из подпола того дома, который вы сейчас готовитесь снести. Там обитала уйма разных кошек, и многие из них все еще там. Это я и пытаюсь вам объяснить – не всех животных удалось поймать. А по закону вы не можете снести дом, под которым обитают одичавшие кошки.

Из ведущей в логово дыры до меня доносился запах Мамы-Кошки, и я чувствовала, что она осторожно приблизилась к краю дыры. Я заерзала, желая пойти и провести ее, но рука Лукаса остановила меня. Мне ужасно нравилось, когда меня держали на руках люди, но иногда я испытывала из-за этого досаду, когда мне хотелось поиграть.

– По закону, – задумчиво повторил мужчина. – Но у меня есть разрешение на снос, вот оно, видите? Так что все будет по закону. Я не имею ничего против кошек, разве что считаю, что у моей подружки их слишком много. Но мне надо сделать свою работу. Вы меня понимаете? В этом нет ничего личного.

– Это дело очень даже личное. Оно личное для этих кошек. И личное для меня, – твердо сказал Лукас. – Они совершенно одиноки в этом мире. Их бросили на произвол судьбы. Я – это все, что у них есть.

– Я не стану участвовать в этом споре.

– Мы вызвали службу по спасению животных.

– Это не моя забота. Мы не можем ждать, когда они приедут.

– Нет! – Лукас подошел к большой машине и встал перед ней, и я тут же последовала за ним, так что поводок нисколько не натянулся. – Вы не можете это сделать.

Я уставилась на эту огромную машину, не понимая, что происходит.

– Ты начинаешь раздражать меня, приятель. А ну, отойди. Ты нарушаешь границы частных владений.

– Я не сдвинусь с места. – Лукас опять поднял меня и прижал к груди. Мужчина подошел к нам совсем близко и уставился на Лукаса. Они были одного роста, и их глаза находились на одном уровне. Мы с Лукасом тоже вперились в мужчину. Я завиляла хвостом.

– Ты и правда хочешь встрять в это дело? – тихо спросил мужчина.

– Вы не против, если я сначала поставлю на землю мою собаку?

Мужчина брезгливо отвернулся.

– Моя мамаша предупреждала меня, что у меня в жизни будут и такие дни, – пробормотал он.

– Эй, Дейл! – крикнул один из остальных мужчин. – Я только что говорил с Гантером. Он сказал, что скоро будет.

– Ну, и хорошо. В таком случае он сможет сам разобраться с этим защитником прав животных. – Мужчина повернулся и отошел обратно к своим друзьям. Интересно, они подойдут к нам, чтобы погладить меня? Мне бы это было приятно.

Скоро к нам подъехала большая темная машина, и из нее вылез еще один мужчина. Он подошел к группе рабочих, стоявших у дома, и поговорил с ними. Все они смотрели на меня, потому что я была здесь единственной собакой. Потом мужчина из машины направился к нам, чтобы взглянуть на меня. Он был выше Лукаса и крупнее. Когда он подошел ближе, я почувля исходящие от него запахи дыма и нескольких видов мяса, а от его дыхания и одежды пахло чем-то сладким.

– Ну, так в чем дело? – спросил он Лукаса.

– Под домом все еще обитает несколько кошек. Я уверен, вам бы не хотелось причинить им вред, – ответил Лукас.

Мужчина покачал головой.

– Там нет никаких кошек. Мы их всех переловили.

– Нет, не всех. Там, под домом, еще остается несколько кошек. Их, по меньшей мере, три.

– Да нет, вы ошибаетесь, к тому же у меня на все это нет времени. Мы и так отстали от графика из-за этих чертовых кошек, и я не собираюсь терять больше ни дня. Мне надо строить квартиры.

– Что вы с ними сделали? Со всеми теми кошками, которые здесь обитали? Среди них были и совсем маленькие котята!

– Это не ваше дело. Вся эта история не ваше дело.

– Напротив, это мое дело. Я живу в доме напротив и вижу, как все эти кошки входят и выходят.

– Ну, и молодец. Как вас зовут?

– Лукас. Лукас Рэй.

– А я Гантер Бекенбауэр. – Мужчина на мгновение сжал руку Лукаса, потом отпустил ее. Когда рука Лукаса снова обхватила меня, от его кожи пахло мясом и дымом. Я осторожно принюхалась.

– Это вы проделывали дыру в моем заборе? Я уже три раза посылал людей, чтобы починить его.

Лукас ничего не ответил. Я по-прежнему лежала у него на руках и чувствовала, что меня вот-вот сморит сон.

– Значит, это вы кормите этих кошек, это ясно, как божий день. А это, как вы и сами понимаете, только осложняет дело.

– Вы хотите сказать, что предпочли бы, чтобы они голодали?

– Это же кошки. Они убивают птичек и мышей, или вы этого не знали? Так что они вовсе не голодают.

– Вы не правы. Они плодятся слишком быстро. Если их не изловить и не стерилизовать, они произведут на свет многочисленное потомство, и большинство котят погибнут от голода или от болезней, вызванных недостатком корма.

– И, по-вашему, в этом виноват я?

– Нет. Послушайте, я прошу у вас только одного – дайте людям время, чтобы решить эту проблему гуманно. Существуют организации, занимающиеся спасением тех животных, которые отнюдь не по своей вине брошены на произвол судьбы и ведут жизнь, полную опасностей. Мы позвонили в одну из этих организаций, и они уже едут сюда. Дайте им сделать свою работу, и тогда вы сможете выполнить и вашу.

Мужчина, от которого пахло дымом и мясом, выслушал то, что сказал Лукас, но все так же продолжал качать головой.

– Похоже, вы сейчас просто цитируете какой-то интернетовский сайт, но речь сейчас не об этом. Вы хоть представляете себе, как сейчас трудно что-либо построить, Лукас? Приходится все согласовывать с добрым десятком разных служб. Я потратил на получение разрешения на снос этих домов целый год. Год! Так что сейчас мне надо наконец начинать работу. Прямо сейчас.

– Я не сдвинусь с этого места ни на шаг.

– Вы действительно собираетесь встать на пути экскаватора, который сносит дом? Вы же можете погибнуть.

– Ну и пусть.

– Знаете что? Я собирался договориться с вами по-хорошему, но вы не оставили мне выбора. Я сейчас вызову полицию.

– Вызывайте.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты упрямый маленький ублюдок?

– Возможно, мне и говорили, что я упрям, – ответил Лукас. – Но никто никогда не говорил мне в лицо, что я ублюдок.

– Ха! Ну, ты и фрукт!

Мужчина отошел от нас, так меня и не погладив, что было необычно. Мы с Лукасом долго стояли неподвижно. Большая машина смолкла, и, когда она перестала громко рычать, я почувствовала себя совсем по-другому, как будто до этого что-то сдавливало мое тело, а теперь перестало. Лукас опять поставил меня на землю, и я стала внимательно обнюхивать землю. Мне хотелось поиграть, но Лукас хотел просто стоять, а из-за поводка я не могла далеко от него отбежать, чтобы порезвиться вокруг.

Когда появились еще люди, я завиляла хвостом. Это были женщина и мужчина, и они вышли из еще одной машины. На них обоих была темная одежда, а на их боках висели какие-то металлические предметы.

– Вот и полиция, – тихо заметил Лукас. – Ну, что ж, Белла, посмотрим, что произойдет теперь, когда сюда прибыли полицейские.

Два человека в темной одежде подошли к мужчине с дымно-мясными пальцами. По моему, Лукасу было немного не по себе, но он по-прежнему не двигался с места. Я зевнула, потом радостно завиляла хвостом, когда эти два человека подошли к нам, чтобы увидеть меня. От женщины пахло собакой, а от мужчины – нет.

– О господи, какой милый щенок! – приветливо сказала женщина.

– Ее зовут Белла, – объяснил Лукас. Мне ужасно понравилось, что они говорят обо мне! Женщина улыбнулась мне.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Лукас. Лукас Рэй.

– Итак, Лукас, почему бы вам не рассказать нам, что здесь происходит? – сказал ее друг-мужчина.

Мужчина разговаривал с Лукасом, а женщина встала на колени и начала играть со мной. Я прыгнула на ее руку. Теперь, когда я могла обнюхать ее, я различила на ее пальцах запахи двух разных собак. Я облизала ее пальцы и почувствовала вкус этих собак. Металлические предметы на ее боку лязгнули.

Когда женщина встала с колен, я посмотрела на Лукаса.

– Но тогда кто же должен защищать этих кошек, если не полицейские? – спросил Лукас. Он уже во второй раз употребил это слово – «полицейские». Я видела, что он расстроен, и уселась у его ног, надеясь, что это поможет ему снова стать веселым.

– У вас в этом деле нет никаких прав. Вы меня понимаете? – Мужчина в темной одежде махнул рукой в сторону большой машины. – Я понимаю ваши чувства, но вы не можете препятствовать строительным работам. Если вы не уйдете сами, нам придется вас арестовать.

Женщина, от которой пахло двумя собаками, коснулась руки Лукаса.

– Будет лучше, если вы и ваш щенок сейчас пойдете домой.

– Может быть, вы хотя бы осветите своим фонариком этот подпол? – спросил Лукас. – Тогда вы сами увидите, о чем говорю.

– Не уверена, что это что-либо изменит, – ответила женщина.

В это время подъехала еще одна машина. Она благоухала собаками и кошками и даже какими-то другими животными. Я подняла нос в воздух, чтобы разобраться, что к чему.

В этой новой машине приехали еще женщина и мужчина. Мужчина наклонился над задним сиденьем, вытащил оттуда какую-то большую штуку и поставил ее себе на плечо. Я не могла определить по запаху, что это такое. Он дотронулся до нее, и из нее полился свет, напомнив мне о том времени, когда из дыры в наше логово хлынули потоки света и на миг осветили кошек, убежавших в его глубину.

Я узнала эту женщину. Она была тем самым человеческим существом, которое залезло под дом в тот день, когда я встретила Лукаса. Я завиляла хвостом и ей, и мужчине, радуясь тому, что они пришли. Теперь здесь было так много людей!

– Привет, Одри, – поздоровался с женщиной Лукас.

– Привет, Лукас.

Я хотела поближе рассмотреть женщину, которую, как я поняла, звали Одри, но она и ее друг не стали подходить к нам. Пучок света скользнул по лицу Лукаса, потом остановился на клочке земли перед дырой, ведущей в логово.

Мужчина, пахнувший дымом и мясом, направился к ним. У него были тяжелые шаги, и он махал руками, как будто хотел бросить игрушку собаке.

– Эй, вы! Здесь нельзя снимать!

Одри придвинулась ближе к мужчине с большой штукой на плече. – Мы снимаем вас, потому что вы собираетесь снести дом, в котором обитают бездомные кошки!

Дымно-мясной мужчина затряс головой.

– Здесь больше нет никаких кошек!

Я напряглась – Мама-Кошка! Она на мгновение замерла на краю дыры, оценивая ситуацию, а потом выбежала наружу и, промчавшись прямо мимо нас, исчезла в кустах, растущих у задней стороны забора. Я забыла, что я на поводке, и попыталась броситься за ней, но поводок заставил меня резко остановиться. Раздосадованная своим бессилием, я села и заскулила.

– Ты это заснял? – спросила своего друга Одри.

– Заснял, – ответил мужчина с большой штукой на плече.

– Так что, здесь нет кошек? – сказал Лукас дымно-мясному мужчине.

– Я хочу, чтобы вы арестовали этих людей! – заорал мужчина, обращаясь к людям в темной одежде.

– Они просто стоят на тротуаре, – спокойно сказал мужчина в темной одежде. – Нет такого закона, который бы это запрещал.

– Мы не станем никого арестовывать за съемку, – сказала женщина, от которой пахло двумя собаками. – К тому же вы нас уверяли, что здесь нет кошек.

– Я из организации по защите животных, – сказала Одри, не сходя со своего места. – Мы уже позвонили в комиссию по строительству. Они отзывают разрешение на снос из-за обитающих под домом одичавших кошек. Господа полицейские, если он снесет этот дом, это будет противозаконно.

– Это невозможно, – насмешливо ответил дымно-мясной мужчина. – В этой конторе дела так быстро не делаются. Они, черт бы их побрал, даже не сразу отвечают на телефонные звонки!

– Они отвечают сразу, когда им звонит одна из директоров нашего правления, – ответила Одри. – Она к тому же еще и член администрации нашего графства.

Полицейские переглянулись.

– Это не наша епархия, – сказал мужчина.

– Но вы же видели эту кошку. А защита животных – это ваша обязанность, – сказала Одри. Я удивлялась, почему она к нам не подходит, но она продолжала стоять рядом с машинами. Мне ужасно хотелось, чтобы она с нами поиграла!

– Я несю большие расходы, пока все вокруг просто стоят! Я ожидаю, что полицейские наконец займутся своей работой и заставят этих людей убраться к черту! – сердито сказал мужчина, от которого пахло дымом и мясом.

Полицейские напряглись.

– Сэр, – сказала женщина Лукасу, – не могли бы вы взять свою собаку и передвинуться на тротуар?

– Нет, если он собирается разрушить этот дом и похоронить под ним беззащитных кошек, – упрямо ответил Лукас.

– Черт бы его побрал! – закричал дымно-мясной мужчина.

Мужчина и женщина в темной одежде опять переглянулись.

– Лукас, – сказала женщина-полицейский, – если мне придется просить вас дважды, я надену на вас наручники и посажу на заднее сиденье нашей патрульной машины.

Лукас несколько мгновений стоял молча, потом мы с ним подошли к Одри, чтобы она могла погладить меня. Я была так рада ее видеть! И еще я была рада тому, что за нами последовали дымно-мясной мужчина и полицейские, чтобы мы все могли быть вместе.

Дымно-мясной мужчина глубоко вздохнул.

– Тут были кошки – пара дюжин, но теперь их тут больше нет. Кошка, которую мы только что видели, возможно, приходила сюда просто на разведку – это не значит, что она здесь живет!

– Я вижу ее здесь каждый день, – сказал Лукас. Мимо меня ветер пронес бумажку, я попыталась поймать ее, но меня остановил поводок. – Так что она здесь точно живет. А кроме этой кошки здесь обитает еще и пара других.

– Кстати, поговорим обо всех тех кошках, которые обитали здесь раньше. В какой приют вы их отвезли? Я не могу найти их ни в одном из приютов, – многозначительно заметила Одри.

– Во-первых, обратите внимание, господа полицейские, этот парень Лукас резал мой забор. Он вздумал кормить этих кошек! А во-вторых, она права, мы привлекли компанию со стороны, чтобы гуманно их изловить. Я не знаю, что они с ними сделали. Вероятно, они всех их пристроили в хорошие руки.

– Выходит, он кормил тех самых кошек, которых, по вашим словам, здесь уже нет. – Одри кивнула.

Какое-то время все стояли молча. Я зевнула.

– Эй, Гантер! – крикнул один из пахнущих пылью мужчин. – Звонит Мэнди. Она говорит, что речь идет о твоём разрешении на снос.

* * *

В конце концов большинство людей уехали. Одри опустилась на колени и стала играть со мной на редкой траве, пока ее друг укладывал большую штуку со светом обратно в ее машину.

– Это была гениальная идея – явиться сюда с телекамерой, – сказал Лукас.

Одри рассмеялась.

– Это вышло совершенно случайно. Я возила моего брата по городу, пока он снимал видеосюжет. Он учится в киношколе Колорадского университета в Боулдере. Когда позвонила ваша мать, мы сразу же поехали сюда, решив, что это отличная идея – изобразить дело так, будто съемки ведет какой-то новостной канал. – Она подняла меня и поцеловала в нос, а я в ответ лизнула ее. – Какая же ты лапочка! – И она снова поставила меня на землю.

– Ее зовут Белла.

При звуке своего имени я подняла голову и посмотрела на Лукаса.

– Белла! – радостно сказала Одри. Я уперлась передними лапами в ее колени, пытаюсь взобраться выше, чтобы облизать ее лицо. – Когда ты вырастешь, ты будешь такой большой собакой!

– Послушай, Одри. – Лукас слегка кашлянул, и я посмотрела на него, чувствуя, что он напряжен. Одри подняла голову и улыбнулась ему. – Я тут подумал, что было бы здорово, если бы мы с тобой начали встречаться. Смотри, Белла согласна.

– О. – Одри резко встала с земли. Я подошла к Лукасу и атаковала его ботинки. – С твоей стороны было очень мило это предложить, Лукас, но видишь ли, я только что переехала жить к моему парню, и это серьезно.

– Ну конечно. Я все понимаю.

– Эй, Одри! Мы уже можем ехать? Я хочу добраться до Голдена пораньше, чтобы успеть снимать во время последнего часа перед закатом, – крикнул мужчина из окна машины. Меня потянуло в сон, и я, зевнув, растянулась на траве, решив, что сейчас самое время вздремнуть. Я закрыла глаза и не стала их открывать, даже когда Лукас поднял меня на руки.

* * *

Позднее в этот же день я играла с Лукасом на мягком полу большой комнаты, которая называлась «гостиная». Лукас тянул по полу веревочку, а я бросалась на нее, хватала ее зубами и бежала прочь, но она выскользывала из моей пасти, и он, смеясь, начинал тянуть ее по полу снова, чтобы я могла атаковать ее опять. Я была так довольна, что он рядом, так рада, что Лукас смеется, что могла бы играть в эту игру всю ночь напролет.

В дверь постучали, и Лукас на мгновение замер, а потом пошел к ней. Я двинулась следом за ним. Он приставил глаз к двери, а я в это время почувяла в проникающем через щель под дверь холодном воздухе запах мужчины. Это был тот же мужчина, которого я видела у логова и от которого пахло дымом и мясом.

Лукас окаменел. Мужчина постучал еще раз. Наконец Лукас открыл дверь, отодвинув меня при этом ногой в сторону.

– Нам с вами надо поговорить, – сказал мужчина.

Глава 4

– Поговорить о чем? – спросил Лукас.

– Я могу войти в дом, или вы хотите, чтобы я так и стоял на пороге?

– Входите. – Лукас отступил от двери, мужчина вошел в комнату и посмотрел по сторонам. Лукас снова закрыл дверь, хотя это означало, что в дом больше не будет проникать весь этот поток великолепных ароматов с улицы.

Мужчина сел на диван.

– Классный щенок. – Он протянул ко мне пальцы, чтобы я их обнюхала. – Он, кажется, питбуль?

– Это не он, а она. Мы не знаем. Она жила под тем домом напротив.

Мужчина на мгновение словно застыл, и я посмотрела на него с любопытством, потом откинулся на спинку дивана.

– Кстати, об этом. Стало быть, я прав, и это вы кормите кошку в том доме?

– Да, я.

– Вот ирония судьбы, вам так не кажется? У меня теперь проблемы, и вызвали их вы. Если где-нибудь ставишь миски с кошачьим кормом, туда тут же набегают кошки. Это закон природы. И я не ошибся и тогда, когда сказал, что вы резали мой забор, верно?

Лукас ничего не ответил.

– Послушайте, я пришел к вам, чтобы убедить вас прислушаться к голосу разума. Общая картина куда масштабнее, чем вы думаете.

Я была недовольна тем, что они просто сидели без дела. И атаковала пушистый пискучий мячик, который лежал на полу. Я не могла раскрыть пасть достаточно широко, чтобы схватить его, и, когда пыталась сделать это, он просто откатывался в сторону, так что в конце концов я прыгнула на него сверху и заставила его лежать тихо. И зарычала, чувствуя себя свирепой и торжествуя.

– Простите, мистер э-э...

– Гантер. Зовите меня просто Гантер.

– Хорошо, Гантер, – согласился Лукас.

Значит, дымно-мясного мужчину зовут Гантер.

– Я хочу сказать, что мне жаль, но всем вашим рабочим было наплевать, когда я сказал им, что под домом обитают кошки, – продолжал Лукас. – Они собирались все равно снести его, несмотря на то что это убило бы ни в чем не повинных животных.

– Ага, а потом вы вызвали эту шайку мстителей за бродячих животных, а они позвонили в администрацию графства, и действие моего разрешения на снос было приостановлено. А это значит, что может пройти пара недель, пока его не возобновят. Да какая там пара недель, у них там, черт возьми, на любой чих уходит больше месяца, а стало быть, дело откладывается до конца лета, а может, даже и на осень. И все это время я должен буду платить проценты по кредиту и заработную плату моим рабочим, и у меня будет простаивать оборудование, так что вся эта история обойдется мне в кучу денег. И все из-за одной чертовой кошки. А вам известно, что закон не запрещает мне просто пристрелить эту проклятую тварь, если мне так хочется?

– Там не одна кошка, а больше. Неужели вы хотите перестрелять их всех? Думаете, это будет для вас хорошая реклама?

– Поэтому я и пришел к вам. Я не хочу этого делать. Но вы прекрасно знаете, что, как только мы начнем рушить дом, все эти кошки выбегут наружу и удерут. Так что нет надобности их истреблять. Я просто хочу, чтобы, когда снос начнется, вы не звонили этой женщине, которая привезет с собой телевизионщика. Лады? Им и дела нет до правды, им бы только пустить в эфир новость о том, что мы будто умертвляем котят, что просто смешно.

– Вы никак не сможете определить, все они убежали или нет. Надо сначала поймать их и наглухо закрыть ход в подпол.

– Что? Ну нет! На это могло бы уйти несколько недель. Нам нужно решить этот вопрос немедленно. – Гантер на мгновение замолчал. – Может быть, стоит посмотреть на эту проблему с другой стороны, а? Эти квартиры, которые я собираюсь построить, будут просто классными. Высококачественные кухонные столы с полками, дорогая бытовая техника. У вас тут одна спальня и одна ванная, да? Я знаю этот дом, его построили еще в семидесятых. Нет системы центрального кондиционирования воздуха, только оконные блоки, дешевая электроплита. Все это здание, вероятно, скоро снесут – теперь, когда здесь решено возвести новую клинику, в округе везде идет новое строительство.

– У нас две спальни. И арендная плата за это жилье субсидируется государством.

– Об этом-то я и толкую. Вас буду субсидировать я.

– Не думаю, что это возможно. Наша субсидия – это часть пособия и льгот, которые моя мать получает как ветеран вооруженных сил.

– Черт возьми, парень, ты что, вообще не петришь? Хорошо, я скажу проще. Я заплачу тебе тысячу баксов, а ты не станешь звонить защитникам прав животных. Ну что, лады?

– Стало быть, вы предлагаете мне тысячу долларов за то, чтобы я закрыл глаза на то, как вы похороните под обломками дома целую кошачью семью?

– Ничего не поделаешь, такова жизнь. Просто подойди к этому вопросу с точки зрения сравнительного анализа издержек и конечных результатов. Подумай сам, какую пользу эта твоя тысяча долларов сможет принести Гринпису или какой-нибудь шарашке вроде «Спасите кошек», или чему-нибудь еще в этом роде, и все это в обмен на жизнь какой-то пары шелудивых кошек, которые, скорее всего, и так подохнут будущей зимой.

Я зевнула и почесала ухо. Даже если вокруг были игрушки, которые можно было грызть или гонять по полу, люди все равно обычно предпочитали просто сидеть.

– Пять тысяч, – немного помолчав, сказал Лукас.

– Что? – Мужчина резко повернулся, так что диван закрипел. Я посмотрела на него с любопытством. – Ты что, всерьез думаешь, что можешь со мной торговаться?

– Я просто внимательно вас слушаю. Вы обеспокоены, потому что ваша стройка может быть заморожена на несколько месяцев. Это может стоить вам кучу денег. Так что пять тысяч – это еще дешево. И даже десять тысяч.

Мужчина какое-то время молчал, потом громко рассмеялся. Тон его стал жестким.

– А чем ты зарабатываешь на жизнь, парень?

– В основном я учусь, а на следующей неделе начну работать помощником по административной части в госпитале Администрации по делам ветеранов. Это хорошее место, потому что именно там моя мать получает лечение.

Я растянулась на полу. Мне было скучно.

– Что ж, флаг тебе в руки. Я предложил тебе хорошую сделку, а ты оскорбил меня, пытаюсь вымогать у меня деньги. Так что я преподам тебе хороший урок. Ты ничего от меня не получишь. Ничего. А ведь ты мог заработать целую тысячу. Думаешь, в этом мире можно успешно заниматься строительными подрядами, не обзаведясь несколькими друзьями в администрации? Мне достаточно будет подмазать кого-нибудь из отдела по контролю за животными, и он подпишет бумагу, в которой будет говориться, что кошек под домом нет. И, скорее всего, это обойдется мне куда дешевле тысячи долларов. Так что я просто пытался тебе помочь. По всему видно, что у вас нет лишних денег.

– Собственно говоря, это вы оскорбили меня, заявив, что мне следует пойти на сделку с совестью, приняв ваши деньги. Ведь мы с вами оба отлично понимали, что я не возьму их, – спокойно ответил Лукас. – А теперь вы еще и позволяете себе делать какие-то намеки насчет нашего уровня жизни.

Гантер встал с тахты.

– Держись подальше от моей земли. Стоит мне поймать тебя там – и тебя арестуют за нарушение границ частных владений.

– Спасибо, что зашли, – сухо сказал Лукас.

Иногда перед уходом люди обнимаются или касаются друг друга руками, но Лукас и Гантер не сделали ни того ни другого.

– Я не позволю причинить вреда этим кошкам, Белла, – сказал мне Лукас. Я услышала свое имя и начала гадать, не пришло ли время ужина.

* * *

Иногда Лукас и Мамуля оставляли меня одну. Когда это случилось впервые, я ужасно расстроилась и начала грызть те вещи, которые, как я знала, грызть не полагалось – газеты и обувь, то есть те вещи, которые Лукас не давал мне из своих рук и которые он и Мамуля всегда выдергивали из моей пасти, когда видели, что я схватила их зубами. Когда Лукас и Мамуля вернулись домой, они рассердились. Они потрясли ботинком перед моим носом и закричали:

– Нельзя!

Я знала слово «нельзя», и оно нравилось мне все меньше и меньше. В следующий раз, когда они оставили меня одну, я изгрызла свои игрушки и всего лишь один ботинок. Я поняла, что они опять рассердились, но не понимала, почему они оставляют меня одну. Мне казалось, что именно это важнее всего.

Когда Лукас был рядом, все было чудесно, но, когда он уходил, я чувствовала себя так же, как когда пряталась с моей мамой в трещине в задней стене логова, где было темно и страшно. Я не понимала, что я сделала плохого, и мне просто было нужно, чтобы Лукас вернулся домой и успокоил меня, показав, что он по-прежнему меня любит. Всякий раз, когда он говорил: «Нельзя!», я припадала к земле и ждала, когда он перестанет сердиться из-за того, что я натворила.

Моим любимым занятием было ходить с Лукасом, когда он кормил кошек. Меня всегда ужасно интересовали шуршание и аромат пакета с кормом, хотя Лукас пока не давал мне попробовать этот корм. Мы переходили через улицу, Лукас отводил в сторону край забора и шел к дыре. Мне страшно хотелось пойти с ним к логову, чтобы поиграть, но он всегда привязывал меня к дереву на той стороне забора, которая выходила на улицу, так что я не могла побежать к дыре. Я чуяла доносящиеся из нее запахи трех кошек. Мама-Кошка никогда не подходила достаточно близко к краю дыры, чтобы я могла ее видеть, но остальные двое иногда выходили на свет.

– Я не могу быть с вами все время, потому что теперь у меня есть работа, – говорил кошкам Лукас. – Я постараюсь защитить вас, но, если сюда опять приедут большие машины, вам придется отсюда бежать. – Иногда Лукас заползал в дыру, и тогда я отчаянно скулила, пока он не возвращался назад.

Однажды вечером после того, как мы вернулись домой, Лукас и Мамуля сели за стол и начали есть курицу! Я терпеливо сидела, ожидая, когда мне перепадет вкусный кусочек, и не зря – Лукас опустил руку, и в ней был крошечный кусочек куриной кожи, который я быстро взяла из его пальцев. Я любила курицу и вообще все, что приходило ко мне из его рук.

– Там их сейчас, по меньшей мере, три, а может быть и четыре. Трудно сказать определенно.

– А как они преодолевают забор? – поинтересовалась Мамуля.

– О, там множество таких мест, через которые может протиснуться кошка или кот. Белла часто обнюхивает щель под нижней кромкой забора – может быть, они входят и выходят именно через нее.

Я с надеждой посмотрела на него, когда он произнес мое имя. Лакомство? Гулять? Еще кусочек курицы?

– А их можно как-то выманить наружу? – спросила Мамуля.

– Нет, они здорово боятся людей. Особенно черная кошка – но как ни странно, она из них самая храбрая и часто подходит к самому краю дыры, но я точно знаю, что она ни за что не выйдет наружу, пока там нахожусь я.

– А как насчет той молодой женщины, которая занимается спасением бездомных животных? Кажется, Венди?

– Нет, Одри. Да, я говорил с ней, и она сказала, что они постараются приехать, но сейчас у них в приюте полный завал, – ответил Лукас.

– Она милая.

– У нее уже есть парень.

– Ну... иногда девушки так говорят, но на самом деле...

– Мамуля, перестань.

Она рассмеялась.

– Ладно, ладно. Так каков план действий?

– Ситуация будет оставаться тупиковой, пока туда не сможет выехать Одри. Но я не позволю ему убить этих кошек.

– А что, если он попробует их отравить?

– Я ожидаю таких попыток и смотрю в оба. Но пока он не пытался подбросить им отраву. Думаю, он сейчас пытается найти кого-нибудь из управления шерифа, кто согласится взять мзду и официально подтвердить, что все кошки оттуда ушли.

Мама немного помолчала, потом сказала:

– Лукас...

– Что?

– Почему это для тебя так важно? Я, как и ты, люблю животных, но ты, не знаю, как сказать, похоже ты взялся за это не только поэтому.

Лукас заерзал на своем стуле.

– Думаю, это из-за того, что они на этом свете совсем одни.

Я взглянула на Мамулю, сидящую, скрестив лодыжки.

– Ты считаешь, что они нуждаются в защите, потому что их бросили. Точно так же, как ты сам нуждался в защите, когда тебя бросила я.

– После того как ты стала ходить на сеансы групповой психотерапии, с тобой стало невозможно вести нормальный разговор.

– Я говорю серьезно.

– Разве я не могу просто чувствовать, что я за них в ответе?

– Почему? Почему ты вечно считаешь, что ты за все в ответе? Как будто ты стал взрослым, еще когда тебе было всего пять лет. Это потому что...

Они замолчали. Я внимательно обнюхивала пол у ног Лукаса, надеясь найти там кусочек курицы, который я пропустила.

– Потому что что?

– Потому что ты единственный сын алкоголика.

– Мамуля, может быть, оставим эту тему? Иногда я что-то делаю, сам не зная почему, как тебе такой вариант?

– Я просто подумала, что было бы неплохо проанализировать твои мотивы.

– Мамуля, это же кошки. Может быть, просто скажем, что этим все и ограничивается и никаких задних мыслей у меня нет? Честное слово, я вовсе не живу с постоянной мыслью о том, что ты в чем-то виновата, и обо всем том, что произошло. Я знаю, что для тебя это важно, но я сейчас просто радуюсь тому, что у нас с тобой наконец опять стало все хорошо. Ведь верно?

И я считаю, что это нормально – не желать, чтобы какой-то предприниматель, занимающийся строительным бизнесом, похоронил под обломками дома нескольких беззащитных кошек.

– Ну хорошо, Лукас. Хорошо.

* * *

Мы с Лукасом играли и играли. Он любил говорить мне: «Делай свои дела», когда мы гуляли, после иногда он давал мне лакомство, но чаще не давал ничего. А еще он мог засунуть пальцы в рот и испустить резкий пронзительный звук, который поначалу меня пугал, но потом я поняла, что так он подает мне знак подбежать к нему и получить чуточку чего-нибудь съестного, так что я начала ощущать радостное волнение всякий раз, когда он подносил руки ко рту.

Меньше всего из того, что находилось в доме, мне нравился «вольер». Лукас и Мамуля говорили со мной очень весело, когда впервые показали мне эту штуку, но она была сделана из тонких полосок металла, и ее нельзя было изгрызть. Они положили внутрь мягкую подушку и научили меня игре «Иди в Свой Вольер», которая заключалась в том, что я заходила внутрь, ложилась на подушку, они закрывали дверь вольера и после этого давали мне лакомство. Но однажды они вдруг все поменяли: мы сыграли в «Иди в Свой Вольер» и они дали мне лакомство, а потом оставили меня в доме одну!

Мне почти нечего было грызть – оставалась только подушка. После того как я разодрала ее в клочки (она была совсем невкусная), я почувствовала себя очень одинокой. Я так тосковала по Лукасу, что лаяла все время, пока его не было.

Лукас очень расстроился из-за того, что оставил меня одну на целый день, хотя, когда он вернулся, я впала в такую безумную радость, что носилась по гостиной и прыгала на мебель, и каталась по ковру, и облизала его лицо. Он, похоже, огорчился из-за того, что я разбросала клочки набивки подушки по всему дому, но что еще я могла с ними сделать? Сам он не пробовал набивку на вкус и не знал, какая она невкусная. Я, разумеется, не могла ее съесть.

– У меня есть старое одеяло, которое можно туда постелить, – сказала Мамуля.

– Ты не должна рвать свою подстилку, Белла, – сказал мне Лукас.

Я завалила хвостом.

– Может быть, в следующий раз стоит положить ей туда ее мячик, – заметила Мамуля.

Я посмотрела на нее, сразу же оживившись. Мячик? Я знала это слово – мячик был самой чудесной игрушкой во всем доме. Когда Лукас бросал его, он, подпрыгивая, несся прочь, и я кидалась за ним, хватала его зубами и приносила обратно Лукасу, чтобы он бросил его опять.

Иногда Лукас брал мячик с собой, когда мы шли гулять. Мы приходили на большое открытое пространство, поросшее травой, где Лукас спускал меня с поводка – это место называлось «парк», – и там он бросал мячик снова и снова. Мячику никогда не удавалось от меня уйти.

Я любила бегать за мячиком, любила приносить его обратно Лукасу и еще любила, когда он говорил мне, что я хорошая собака. Иногда в парке были и другие собаки, и они гонялись за другими мячиками, делая вид, что им не хочется побегать за тем мячиком, который бросал Лукас.

Он был моим человеком. Больше всего на свете мне хотелось быть с ним каждый день. Ну, и еще лакомств. «Делай свои дела», – говорил мне он. И давал лакомство! А потом опять: «Делай свои дела». И никакого лакомства. Это была не самая лучшая из наших игр.

А потом я поняла, что «Делай Свои Дела» относится к тому, чтобы присесть и пописать или покакать, что я со временем стала предпочитать делать вне дома. Лукас излучал такое одобрение, когда я делала это на траве, всякий раз давая мне лакомство, что я наконец сообразила что означает «Делай Свои Дела». Мы пошли в парк, и я сделала «Делай Свои Дела» и получила лакомство, и Лукас так обрадовался, что бросил мячик, и тот поскакал туда, где

иногда на качелях играли дети. Я погналась за мячиком, набирая скорость, Лукас побежал за мной, и, когда он с силой забросил мячик на пластиковый скат и тот покатился вверх, я побежала за ним, пытаясь цепляться когтями за скользкую поверхность, чтобы найти точку опоры. Мячик скатился вниз, и я тоже соскочила на землю и поймала его, когда он допрыгнул до моей пасти.

– Белла! – крикнул мне Лукас. – Ты смогла взбежать на горку! Хорошая собака!

Лукас был мною доволен. Он подвел меня к скату и сказал:

– Беги за мячиком на горку, Белла!

Мы играли в эту игру, опять и опять. Лукас с силой бросал мячик, так что тот катился вверх по «горке», и я бежала вслед за ним, потом соскакивала вниз, ловила его и приносила обратно Лукасу. Иногда мне удавалось поймать мячик в воздухе, с другой стороны горки, когда он отскакивал от земли. Когда у меня это получалось, Лукас восхищенно смеялся.

Потом он давал мне воды, и мы с ним растягивались на траве. Воздух был прохладен, и на небе ярко светило солнце. Я положила голову на его ноги, и он начал гладить меня по ней. Когда его рука останавливалась, я тыкалась в нее носом, чтобы он продолжал меня ласкать.

– Мне так жаль, что приходится оставлять тебя, чтобы ходить на работу. Но мне нравится моя работа. У меня есть свой письменный стол, но я за ним почти не сижу, в основном я бегаю по всему госпиталю, помогая своим начальникам разбираться с историями болезней пациентов. Это интересно, но я скучаю по тебе, Белла.

Мне ужасно нравилось, когда он произносил мое имя.

– Ты слышала, как ночью Мамуля ходила по своей спальне? У нее снова началась бессонница. Я не знаю, что я буду делать, если у нее начнется очередной маниакально-депрессивный цикл. Господи, как мне хочется, чтобы ее смогли вылечить окончательно.

Я почувствовала, что от него исходит грусть, и поэтому тут же взобралась ему на грудь. Это сработало, он засмеялся и столкнул меня на землю.

– Ты такая глупая собака, Белла!

Всякий раз, находясь с Лукасом, я чувствовала себя счастливой. Я любила Мамулю, но чувство, которое я испытывала к Лукасу, было таким же неодолимым, как голод, и когда я спала, мне часто снились сны, что мы с ним вместе ходим кормить кошек или играем с мячиком на горке.

Мне не нравилось выражение «идти на работу», потому что когда Лукас произносил его, это означало, что он покинет меня очень-очень надолго. «Мне надо идти на работу», – говорил он Мамуле, и после этого я оставалась только с ней. Я никак не могла взять в толк, почему он делает «Идти на Работу». Разве я не хорошая собака?

В течение дня Мамуля играла со мной и ненадолго выводила гулять, но мы с ней никогда не ходили кормить кошек или в парк.

Когда Лукасу приходило время перестать заниматься делом, которое называлось «Идти на Работу», я всякий раз чувствовала, что сейчас он вернется домой. Даже не чуя его запаха, я точно знала, что он идет по улице к нашему дому, и, подойдя к двери, садилась, ожидая его. Когда я чувствовала, что он уже близко, я начинала вилять хвостом, а мгновение спустя уже чуяла его запах и слышала его шаги на дорожке.

– Уж не знаю как, но она всегда точно знает, когда ты вернешься домой, – как-то сказала Лукасу Мамуля. – Перед этим она всякий раз подходит к двери и скулит.

– Вероятно, она просто держит в памяти мое рабочее расписание.

– Дорогой, этого расписания не удержишь в памяти даже ты сам. Ты каждый день уходишь с работы в разное время. Нет, у нее просто есть шестое чувство.

– Белла, собака-экстрасенс из Денвера, – сказал Лукас. Я посмотрела на него, но поняла, что, хотя он и произнес мое имя, это не приведет к получению лакомства.

* * *

Лукас делал «Идти на Работу», а Мамуля отдыхала на диване. В некоторые дни она ходила по дому и гуляла со мной и иногда пела – тогда ее голос становился то выше, то ниже, и это было совсем не похоже на разговор. Правда, в последнее время она по большей части просто лежала на диване. Тогда я прижималась к ней, чувствуя ее любовь, но также и грусть.

Я слышала, как кто-то поднимается по ступенькам к входной двери, но от этого человека исходил не знакомый мне запах, потому что я никогда не встречала его прежде. Я знала только, что это мужчина. И я залаяла.

– Нельзя, Белла! – отругала меня Мамуля.

Нельзя? Я не поняла, почему она употребила это слово.

Я услышала звонкую мелодию дверного звонка, которая звучала всякий раз, когда кто-то поднимался на крыльцо. Моя обязанность состояла в том, чтобы дать всем понять, что я ее услышала, так что я залаяла опять.

– Белла, нельзя! Плохая собака!

Я посмотрела на нее растерянно и вместе с тем виновато. Плохая собака? Что же я сделала плохого?

Мамуля приоткрыла дверь, и я просунула в щель свой нос, принюхиваясь и виляя хвостом.

– Привет, детка. – На крыльце стоял крупный мужчина. От его дыхания шел резкий запах какого-то химиката, от которого у меня немного защипало глаза, а его одежда приятно пахла хлебом.

Я почувствовала, что Мамуля расстроилась, и поэтому перестала так дружелюбно вилять хвостом.

– Как ты меня отыскал? – спросила Мамуля.

– Разве ты не пригласишь меня в дом, Терри?

– Ладно, проходи, но я как раз собиралась выйти.

– Ух ты, какой большой пес? Как его зовут?

– Это не он, а она. И ее зовут Белла.

– Привет, Белла! – Мужчина присел на корточки и, чуть было не упав, когда его рука потянулась ко мне, оперся ею о ковер. А потом потрепал меня по голове.

Мамуля сложила руки на груди.

– Не знаю, зачем ты пришел.

– Зах-хотелось – вот и при-ишел.

– Брэд, ты что, пьян? Или накачался наркотой?

– Что? Не-а.

– Посмотри на меня.

Мужчина встал.

Мамуля брезгливо покачала головой.

– Ты в стельку пьян. Да еще и обкурился.

– Ну, может, самую малость. – Мужчина рассмеялся, потом, волоча ноги, вошел в гостиную и огляделся по сторонам. Мамуля смотрела на него холодно. – Послушай, – начал он, – я тут много думал о нас с тобой. Мне кажется, мы совершили ошибку. Мне не хватает тебя, детка. Думаю, нам надо сойтись опять. Ведь ни ты, ни я не становимся моложе.

– Я не стану говорить с тобой, когда ты в таком состоянии. И не надейся.

– В каком таком состоянии? В каком?

Мужчина повысил голос, и я вздрогнула. Мамуля уперла руки в боки.

– Не начинай опять. Я не хочу с тобой скандалить. Мне просто нужно, чтобы ты ушел.

– Я не уйду, пока ты не назовешь мне хотя бы одну вескую причину, почему ты меня бросила.

– О боже.

– Ты выглядишь классно, Терри. Иди ко мне. – Он улыбнулся.

– Нет, – сказала Мамуля и отступила назад.

– Я серьезно. Знаешь, как часто я думаю о нас с тобой? Нам было хорошо вместе, детка.

Помнишь, как мы завалились в тот отель в Мемфисе...

– Нет. Перестань. – Мамуля затрясла головой. – Нам вовсе не было хорошо вместе. Когда я жила с тобой, я была не я.

– Ты никогда не была самой собой больше, чем когда жила со мной.

– Какая чушь!

– Ничего себе! Я пришел сюда, чтобы сказать тебе все эти комплименты, а ты ведешь себя со мной как последняя стерва.

Он оглядел комнату.

– Недурно. Похоже, твой сынок снова живет с тобой. – Он прищурился. – Может, мне нужно поговорить с ним как мужчина с женщиной, чтобы он наконец повзрослел и перестал держаться за мамочкину юбку.

Мамуля вздохнула.

– О Брэд, то, что ты о нем думаешь, так далеко от истины.

– Да ну? Ты хочешь, чтобы он кончил так же, как его папаша? Помер на задворках какого-то магазина, торгующего спиртным? Ну да, наверное, ты не помнишь, как рассказала мне эту историю. И не помнишь, как тебе было худо, когда я тебя подобрал, – сказал он с плотоядной ухмылкой. – Так что за тобой должок.

– Ты правда так считаешь? Ну, так запомни – я тебе ничего не должна. И сам ты никто и ничего для меня не значишь.

– Э, да меня тут не уважают. Знаешь что? Ты не имеешь никакого права меня не уважать. Только не после того, что мы с тобой совершили вместе. Того, что я знаю.

– Уходи, уходи сейчас же! – Голос Мамули был громок и сердит. Я опустила глаза в пол, надеясь, что она сердится не на меня, но тут же в тревоге снова посмотрела вверх, когда мужчина вдруг схватил Мамулю за обе руки.

Глава 5

– Прекрати! – завопила Мамуля, и ее голос прозвучал так резко, что я залаяла. Мне было страшно. Она и мужчина врезались в стену, что-то упало на пол, и послышался звон разбивающегося стекла. Я припала к полу и попятилась.

Я услышала звук глухого удара, мужчина охнул и, согнувшись, стал пятиться, а Мамуля двигалась за ним, и слышались глухие звуки, когда ее руки раз за разом ударили его по лицу. Она резко развернулась, ударила его ногой, и он пошатнулся.

– Ах ты, сука! – заорал мужчина на нее. Он взмахнул рукой, но Мамуля перехватила ее и вывернула, а потом пнула его в ноги, и он повалился на пол. Я перестала лаять. – О боже, Терри, – прохрипел он. От него исходили ярость и боль. Он держал запястье одной руки в другой. Я учуяла запах его крови и увидела, как она тонкой струйкой стекает с его губы на подбородок.

– Нет, не вставай. Если ты сейчас встанешь, я сделаю тебе еще больнее, – сердито предупредила его Мамуля.

Мужчина смотрел на нее, не мигая.

– Уходи, – сказала ему Мамуля.

– Ты сломала мне запястье.

– Нет, не сломала. Хотя и могла это сделать.

– Я тебя убью.

– Нет, ты сейчас в моем доме, и если ты когда-нибудь приблизишься ко мне опять, то это я тебя убью, – свирепо сказала она. – А теперь убирайся. Нет, я же тебе сказала, не вставай! Ползи. Давай, давай. Выползай, пока я еще добрая.

Я озадаченно наблюдала, как мужчина ползет на карачках в сторону входной двери. Я двинулась к нему, чтобы обнюхать его, но Мамуля резко крикнула:

– Белла, нельзя! – так что я съежилась и села. Я знала, что сделала что-то, что рассердило ее.

– Меня сейчас вырвет, – выдавил из себя мужчина.

– Не здесь. Иди вон.

Мужчина дополз до входной двери, открыл ее и, пошатываясь, встал на ноги. Он повернулся и начал что-то говорить Мамуле, но она тоже подошла к двери и захлопнула ее перед его носом. Я слышала, как он упал на ступеньки, потом, петляя, двинулся прочь, и его запах стал удаляться и постепенно становился все слабее и слабее.

Мамуля долго стояла у двери. Она была такая грустная. Я подошла к ней и ткнулась носом в ее руку. Рука была мокрой, потому что она вытирала ею свои глаза. Я ужасно сожалела, что была плохой собакой.

– О Белла, почему я никогда ничего не могу сделать как надо?

Когда она села на диван, я взобралась туда же, чтобы побыть с ней, и положила голову ей на колени. И почувствовала, как какая-то часть ее напряжения и грусти мало-помалу уходит. Я дала Мамуле успокоение. Это было важнее, чем гулять, важнее, чем помогать кормить кошек, – это было самое важное из всего того, что я когда-либо делала. Я поняла, что должна сидеть с Мамулей до тех пор, пока буду ей нужна.

Она погладила меня.

– Ты хорошая собака, Белла. Хорошая, хорошая собака.

Одна из штук в доме, которую я научилась узнавать, называлась «телефон». Она была металлическая, и мне никогда бы не захотелось с ней поиграть, но Лукас и Мамуля говорили о ней часто. Иногда они прижимали телефон к щеке и говорили со мной, но я никак не могла взять в толк, что они хотят мне сказать, и при этом они никогда не давали мне лакомств.

Пока я лежала, прижавшись к Мамуле, она приложила телефон к щеке.

– Лукас, ты сейчас можешь говорить? – спросила она. При звуке его имени я подняла глаза. – Я просто... В общем, сюда приходил Брэд. Нет, я в норме. Не знаю, мы ведь не делали секрета из того, что переезжаем сюда, так что он мог узнать это от кого угодно. Пришлось ему немного наподдать. Он был... Не знаю, чем он накачался. Наверняка упился текилой. И еще он очень любит покурить опиум. Нет, тебе не надо приходить домой. Я чувствую себя хорошо, ведь здесь Белла.

Я завиляла хвостом.

– Я просто хотела сказать тебе, что всегда боялась, что, если увижу его снова, меня потянет в его мир. Боялась, что захочу вернуться к нему и к той жизни. Как будто какая-то часть меня не верит, что я действительно в завязке. Но когда он вошел в дом, я сразу поняла, что никогда не сделаю этого вновь. Ни с собой, ни с тобой. Я чуть не потеряла тебя – нет, послушай – я знаю, что тебе пришлось из-за меня пережить, и сейчас я просто хочу сказать, что тебе не надо беспокоиться на мой счет. Больше никогда. Ты меня понимаешь? – Мамуля немного помолчала, словно прислушиваясь. – Да, я пойду завтра на собрание группы. Я тоже люблю тебя, родной.

Мамуля положила телефон на диван. Она все еще была охвачена тревогой. Я переползла с дивана к ней на колени. И постепенно напряжение отпустило нас обеих.

* * *

Когда Лукас взял меня с собой, чтобы покормить кошек в следующий раз, я почувяла, что в логове появилась еще одна кошка. Она не вышла на свет. Кошки, как я поняла, не очень-то любят людей.

– Я говорил с Одри, и она сказала, что они теперь ничего не могут сделать, потому что Гантер прикрепил к забору табличку: «Частная собственность. Посторонним вход воспрещен», – сказал Лукас Мамуле.

– На его месте я была бы счастлива, что они готовы изловить тех кошек, которые еще остаются там. Ведь тогда в выигрыше были бы все.

– Не знаю, что у него на уме, – вздохнул Лукас.

– Хочешь, я помогу тебе управиться с сетями, которые она к нам завезла?

– Честно говоря, нет. Я бы предпочел, чтобы ты просто сидела на крыльце и смотрела, не появится ли Гантер.

Лукас пристегнул к моему ошейнику поводок. Гулять! Мы перешли улицу, но у нас не было с собой никакой еды. Лукас толкнул забор, отогнул вперед его край, протиснулся в щель, потом хлопнул в ладоши, зовя меня за собой, поднял меня, перенес на ту сторону и поставил отогнутый край забора обратно на место.

– Ух, какая ты стала тяжелая, – пробурчал он.

Лукас велел мне сидеть, и я стала смотреть, как он поднимает с земли какие-то одеяла с пришитыми к ним деревяшками. Одеяла немного пахли кошками и были такими тонкими, что я могла видеть сквозь них его руки.

– Ну как, Белла, ты готова?

Я завиляла хвостом. Лукас отстегнул от моего ошейника поводок.

– Ну вот, используй свой шанс. Вперед, Белла! Вперед!

Лукас махнул одеялами. Я напряглась. Что же я должна сделать?

– Я знаю, тебе этого хочется. Вперед! Иди поймай кошек!

Я не поняла ни единого слова из того, что он сказал. И продолжала сидеть, стараясь вести себя как хорошая собака.

Он засмеялся, и я почувствовала, как от него исходит любовь, и завиляла хвостом.

– Что, никак не можешь поверить, что я разрешаю тебе туда залезть, да? Ну хорошо, смотри. – Лукас выпустил одеяло из одной руки и подтащил меня к ведущей в логово дыре. Из нее шел запах нескольких кошек и котов, и среди них – запах Мама-Кошки. Но он был неблизким. Я вспомнила трещину в стене и подумала, что она, может быть, проскользнула сейчас в это тесное укрытие.

Лукас просунул мою голову в дыру. Я не понимала, что он хочет сделать, но мне вовсе не казалось, что я плохая собака. От кошек и котов пахло так, будто они боялись.

Я решила пойти проведать мою маму. Я опустилась на живот и протиснулась в дыру, которая почему-то стала намного уже. Забравшись в логово, я встряхнулась и завиляла хвостом.

Взрослых котов охватило уже знакомое мне чувство паники, по всему было видно, что они видят во мне угрозу. Это я-то угроза? Когда я направилась к укрытию в стене, они дружно, словно стая, бросились к дыре.

– Ага! – слышался крик Лукаса.

Я ткнулась носом в трещину, но не могла протиснуться через нее в укрытие. Я втянула воздух – Мама-Кошка была там, прячась в темноте. Я завиляла хвостом. Потом почувствовала, как она расслабилась и подалась вперед, и ее нос на мгновение коснулся моего. Она замурлыкала.

– Белла! Ко мне!

Я повернулась. Я так хотела, чтобы моя мама пошла со мной, но знала – она этого не сделает.

Когда я протиснулась через дыру обратно на свет, Лукас был очень рад. Он немного приподнял края одеял с земли, и я увидела сквозь них двух сердитых котов, которые злобно смотрели на него.

– Поймал сетями двух из них! – сказал он мне, широко улыбаясь. Я была счастлива, потому что он был счастлив.

Вернувшись домой, Лукас посадил котов в коробку. Они принялись жалобно мяукать, и в их громких голосах звучал страх. Я с любопытством обнюхала крышку коробки, и, пока я делала это, они вдруг затихли совсем.

– Тебе бы хотелось загнать этих котов на какое-нибудь дерево, да, Белла?

Я завиляла хвостом, подумав, что он, быть может, разрешит мне с ними поиграть. Может быть, тогда они стали бы менее ворчливыми.

Прямо перед ужином зазвонил звонок. Я, как и положено, залаяла и увидела, что Лукас явно недоволен тем, что в дверь звонят.

– Перестань! Прекрати лаять! – закричал он, вероятно для того, чтобы дать понять человеку, стоящему за дверью, чтобы он уходил. Я залаяла опять. – Хватит! – резко крикнул он. Лукас шлепнул меня по задку, и я уставилась на него в недоумении. Мы все кричали и лаяли, потому что раздался звонок, так почему он вдруг рассердился на меня?

Я завиляла хвостом, учуяв запах женщины, стоявшей на крыльце. Это была Одри. Она была ужасно рада видеть меня и сказала, что я хорошая собака и большая собака, а потом взяла коробку с котами и унесла ее. Я подумала, что она, наверное, отнесет их обратно в логово, и тогда я смогу повидать их, когда Лукас опять разрешит мне туда залезть.

В воздухе все еще витал слабый запах котов в коробке, когда Лукас сказал:

– Я, пожалуй, почитаю, – и мы с ним улеглись на его кровать. Рядом с ним стояла тарелка, от которой исходил такой изумительный аромат, что у меня чуть не закружилась голова. – Что, хочешь сыру, глупая ты собака? – Лукас держал между пальцами кусочек чего-то ужасно вкусного, и я замерла, пристально глядя на этот кусочек. – О господи, да ты от радости сама не своя – а ведь это всего лишь крохотный кусочек сыра!

* * *

На следующий день Мамуля привела меня домой с прогулки. Когда она стала отстегивать мой поводок, я почувствовала, что с ней что-то не так. От нее исходило какое-то новое, не знакомое мне чувство, и пот на ее коже пахнул совсем не так, как всегда. Я тревожно ее обнюхала.

– Ты хорошая собака, Белла, – прошептала она, но смотрела она при этом вовсе не на меня, а куда-то вдаль. – Ох, я чувствую себя как-то чудно.

В конце концов она села и стала «Смотреть Телевизор». Обычно, когда приходило время «Смотреть Телевизор», Лукас и Мамуля садились на диван и гладили меня, так что мне это нравилось. Но сейчас все было иначе, потому что с Мамулей было что-то не так. От нее по-прежнему пахло чем-то плохим, и, когда она положила руку мне на голову, рука была напряженной и тряслась. Я испытывала такую тревогу, что спрыгнула с дивана и свернулась калачиком у ее ног, но уже в следующее мгновение залезла обратно. Потом опять спрыгнула на пол, тяжело дыша, и пошла лакать воду. Вернувшись, я села и тревожно ткнулась носом в ногу Мамули. Я не знала, что именно с ней неладно, но чувствовала, что ей становится все хуже.

– В чем дело, Белла? Тебе нужно «Сделать Свои Дела»? Но мы же только что выходили на улицу.

Она пошла на кухню и достала коробку с лакомствами. Мне всегда ужасно нравилось слушать, как она или Лукас достают эту коробку из буфета, но сейчас, когда Мамуля подошла к лестнице, ведущей в подвал, и открыла дверь, мне было не по себе. Им с Лукасом нравилось кидать лакомства в подвал, чтобы я сбегала за ними по лестнице, а потом поднималась обратно в дом. Обычно один из них при этом говорил: «Это хороший моцион». Я не знала, что это значит, и не понимала почему, если они хотят угостить меня лакомством, нельзя просто дать мне его с руки или отдать всю коробку сразу. Но на этот раз я чувствовала, что лучше не оставлять ее одну рядом с этой лестницей, хотя она и бросила вниз пару вкусных кусочков.

– Белла? Что с тобой? Ты что, не хочешь лакомства?

Даже звук ее голоса пугал меня. Я заскулила.

– Белла, беги! Съешь свои лакомства!

Мне было ясно, чего она от меня хочет, и эти лакомства, лежащие внизу, манили меня, испуская дразнящий аромат. Я сбегала вниз, чувствуя, что нам сейчас нужен Лукас. Всякий раз, когда происходило что-то неладное, Лукас приходил и все исправлял.

В спешке проглотив лакомства, я вдруг услышала сверху ужасный шум и почувствовала шевеление воздуха.

В ужасе я помчалась обратно наверх. Мамуля, скорчившись, лежала на полу. Она издавала какие-то тихие звуки, и ее руки касались лица и тряслись.

Я не знала, что мне делать. Я попробовала было положить голову ей на плечо, чтобы она успокоилась, но оно было напряженным и жестким и не расслабилось.

Я лаяла и лаяла. Немного спустя Мамуля перестала так трястись, но ее губы шевелились, и она продолжала тихо стонать.

Я никогда еще не была так рада тому, что могу чувствовать, как возвращается Лукас. Он скоро будет дома. Я лихорадочно ждала его, когда наконец почуяла, как расцветает его запах, и входная дверь распахнулась.

– Белла! Почему ты лаяла? В доме лаять нельзя! Мамуля? Привет, ты где?

Я отбежала от Лукаса и бросилась за угол, где на полу лежала Мамуля. Когда я увидела, что он не пошел вслед за мной, я побежала обратно. Он был на кухне и выдвигал ящики из буфета.

– Коробки с твоими лакомствами тут нет. Мамуля давала тебе лакомство? Она что, вздремнула?

Я залаяла.

– Эй! Белла, нельзя!

Я побежала обратно к Мамуле. Лукас все еще был на кухне. Я стояла над Мамулей и лаяла.

– Белла! Замолчи! – Лукас зашел за угол. – Мамуля! – Он подбежал к ней, нагнулся и потрогал ее шею. Потом выпрямился. Я ткнулась носом в щеку Мамули. Лукас схватил телефон и спустя мгновение начал громко говорить. В его голосе звучал страх. – Пожалуйста, поспешите! – крикнул он.

Вскоре в наш дом вошли несколько мужчин и женщин. Я чуюла их запахи, но Лукас запер меня в своей комнате, так что я не могла их видеть. Сначала было много шума, потом входная дверь закрылась, и все стихло.

Я осталась одна, и мне было страшно. Мне был нужен Лукас, но я понимала, что он ушел вместе с теми другими людьми. Я не могла взять в толк, что происходит, но знала, что Лукасу было страшно и что Мамуля не проснулась, когда он дотронулся до ее шеи. Весь свой страх я вложила в свой голос и принялась выть и скулить, царапая пол спальни, а потом залаяла, чтобы люди узнали, что меня бросили одну, что мне страшно и что мне нужно, чтобы ко мне пришел какой-нибудь человек и помог.

Но никто не пришел.

* * *

Я так тосковала по Лукасу, что не могла думать ни о чем, кроме как о его руках на моей шерсти. Мне не будет покоя, пока он не придет домой и не выпустит меня из спальни. Свет, лившийся в окно, потускнел, я почуюла, как воздух на улице изменился, как день превратился в ночь, но все это было очень-очень давно. Сейчас было то время ночи, когда пугливые ночные животные шуршат в высокой траве, когда птицы молчат, а машины проезжают редко-редко с шелестящим звуком, и их огни на миг освещают занавески. Где же Лукас?

Я была плохой собакой. Я уже научилась делать «Делай Свои Дела» на улице, но сейчас у меня просто не было выбора, и я пошла в угол и наложила там кучу. Я знала, что Лукас придет домой и будет кричать на меня: «Нельзя»! На полу я нашла длинную жесткую штуку, которую можно было грызть, и уже изгрызла ее в клочья, когда наконец почувствовала, что он возвращается, и услышала ни с чем не сравнимый звук его шагов, приближающихся к дому. Я в неистовстве прыгала, повизгивая, когда он открыл входную дверь и наконец-то, наконец-то прошел по прихожей и подошел ко мне.

– О Белла, прости меня. – Он наклонился к моей морде, чтобы я могла облизать его лицо. Я съежилась, когда он принес газет и воды, чтобы убрать кучу, которую я наложила в углу, но он не стал на меня кричать. Он подобрал с пола длинную штуку, которую я изгрызла. – Что ж, мне все равно никогда не нравился этот ремень. Давай, Белла, пошли гулять.

Гулять! Небо начало светлеть, и, пока мы шли по улице, я слышала птиц и чуюла запахи Мамы-Кошки и других собак и людей.

Я надеялась, что мы пойдем в парк. Мне хотелось весело бегать, гоняясь за белками, и забираться на горку, а еще играть, играть!

– У нее был еще один эпилептический припадок, – сказал Лукас. – У Мамули не было их уже давно. Мы думали, что благодаря лекарствам это больше не повторится. Я ужасно беспокоюсь, Белла. Врачи даже точно не знают, что их вызывает.

Я чувствовала, что ему грустно, но не понимала почему. Как можно грустить на прогулке?

Мамуля не вернулась домой ни в этот день, ни на следующий. Когда Лукас ушел, чтобы «Идти на Работу», он оставил меня в вольере, и я лаяла и лаяла, выражая лаем владевшие

мною чувство бессилия и страх. Почему Лукасу надо уходить? Почему Мамули нет дома? Она когда-нибудь вернется? Лукас когда-нибудь вернется? Я буду хорошей собакой и буду «Сидеть» и приносить успокоение, если все просто придут домой и выпустят меня из вольера.

* * *

Я была вне себя от радости, когда Лукас и Мамуля вошли в дом вместе. Я лаяла и скулила, потому что мне отчаянно хотелось, чтобы они наконец выпустили меня из вольера. Когда Лукас отпер дверцу вольера, я, едва мазнув языком его лицо, бросилась в гостиную и залезла на диван, где лежала Мамуля. Она рассмеялась, когда я облизала ее щеки.

– Лежать, Белла, – велел мне Лукас.

Мне не понравилось, что он сказал «Лежать». Но когда он хлопнул в ладоши, я поняла, что, если я не спрыгну вниз и не лягу, он рассердится, и нехотя спрыгнула на пол. Мамуля протянула руку и погладила меня по голове, что было почти так же приятно, как лежать рядом с ней на тахте.

– Так что говорится в извещении о выселении? – спросила Мамуля.

– Там сказано, что, заведя собаку, мы нарушили условия договора аренды. У нас есть три дня, а потом они вызовут инспектора из отдела по контролю за животными и начнут процедуру выселения. – Голос Лукаса был мрачен. Мне хотелось подойти к нему, чтобы утешить его, подарить ему успокоение, но мне также хотелось остаться на месте, чтобы Мамуля продолжала меня гладить.

– Я видела здесь и других собак, – сказала Мамуля.

– Верно. Собаки могут приходить к жильцам на время, но думаю, кто-то сказал управляющему, что Белла лает уже пару недель.

– Кто это был?

– Он мне не сказал.

– Не понимаю почему, если мы все хотим жить дружно, как добрые соседи, этот человек не мог просто прийти к нам и поговорить.

– Знаешь, Мамуля, ты иногда вселяешь в людей страх.

Они какое-то время молчали. Я ткнула носом в руку Мамули, когда она вдруг перестала меня гладить.

– Мы не можем переехать, Лукас, – тихо сказала она.

– Я знаю.

– Отсюда ты можешь ходить на работу пешком. И на то, чтобы уладить все формальности с переводом моей субсидии на оплату квартиры на другой адрес, понадобится больше трех дней. К тому же это единственное жилье, которое мы можем себе позволить. И откуда мы возьмем деньги на страховой депозит?

– Но теперь у меня есть работа, Мамуля. Может быть, мы сможем позволить себе платить за квартиру больше.

– Я хочу, чтобы ты откладывал эти деньги на университет, – ответила она.

– Я и откладываю. Но для этого и нужны сбережения – чтобы тратить их, когда возникают непредвиденные расходы.

– Не могу поверить, что нас заставят съехать.

Они снова замолчали. Я подошла к Лукасу, я чувствовала, что его что-то гнетет, хотя и не понимала почему – ведь мы наконец все собрались вместе в нашем доме. Я свернулась у его ног.

– Что же нам делать, Лукас?

– Я что-нибудь придумаю.

* * *

На следующий день после того, как Мамуля вернулась домой, она приложила телефон к щеке. Лукас смотрел на нее, а я грызла резиновую палку, которая называлась «косточка». Я знала, что есть и другие штуки, которые называют «косточки», и они нравились мне куда больше.

– Именно это я и пытаюсь вам сказать. В этом извещении ошибка. У меня нет собаки, – сказала она.

При звуке слова «собака» я подняла голову. Что она пытается мне сказать? Я посмотрела на Лукаса, но он по-прежнему не сводил глаз с Мамули.

– Ко мне приходил на время щенок, но лично я не имею собаки. – Услышав слово «собака» опять, я снова посмотрела на Мамулю. – Да, вот именно. Большое спасибо. – Она положила телефон на тахту. – Я им не солгала. Лично я не имею собаки. Белла твоя собака.

Я принесла косточку Мамуле, подумав, что она, наверное, хочет бросить ее в подвал, чтобы я сделала «Хороший Моцион».

Лукас усмехнулся.

– Прекрасный юридический аргумент.

Мамуля даже не попыталась взять у меня косточку.

– Но проблема сама собой не рассосется. Рано или поздно нас застукают, – сказала она.

– А может быть, и не застукают. Я буду выводить Беллу гулять только в предрассветное время и после захода солнца. В эти часы никто из персонала не работает. И уверен, соседям будет все равно, если только она не будет лаять. А как только мы окажемся на улице, кто сможет сказать, что я живу в этом доме? Я могу с таким же успехом просто идти мимо, выгуливая свою собаку.

Я не понимала, о чем они говорят, но мне нравилось слышать звук своего имени и слово «собака».

– Но что, если мне придется пойти в клинику? Ты не сможешь каждый раз отпрашиваться ради этого с работы. Я могу ходить на сеансы групповой психотерапии по вечерам, но больше ничего не смогу сделать.

– Может быть, мы сможем нанять кого-нибудь, чтобы сидеть с Беллой, пока нас не будет дома.

– И отказаться ради этого от чего, от покупки еды?

– Мамуля!

– Я просто хочу сказать, что мы не можем себе этого позволить.

– Согласен.

Я удовлетворенно вздохнула.

– Мне очень жаль. Не знаю, как нам удастся сделать так, чтобы нас не застукали. Ведь когда-нибудь, и, наверное, уже скоро, нам придется оставить ее в доме одну, а когда это произойдет, она начнет лаять.

Глава 6

Все следующие два дня мы играли в две новые игры. Одна называлась «Не Лай». Моей работой всегда было оповещать всех, когда я понимала, что за входной дверью кто-то есть. Как правило, я чуяла или слышала, что к двери подошел человек еще до того, как звенел звонок, и лаем оповещала об этом всех, кто был дома, для их же пользы. Иногда Лукас и Мамуля присоединяли свои голоса к моему, крича тому, кто стоял за дверью:

– «Перестань!» или «Замолчи!»! Но когда мы играли в «Не Лай», Лукас становился в дверях, высовывал руку наружу, звенел звонок, а потом он строго говорил мне: «Не Лай» и рукой зажимал мою пасть. Мне совсем не нравилась эта игра, но мы играли в нее снова и снова. Потом Мамуля выходила на улицу, пока Лукас сидел в гостиной, и стучала в дверь, хотя обычно в нее звонили, но Лукас все равно говорил: «Не Лай». Все было так, будто они не хотели, чтобы я делала свою работу!

Игра «Не Лай» была очень похожа на игру «Ждать», которая мне тоже была не по душе. Когда Лукас говорил: «Ждать», я должна была сесть и не двигаться с места, пока он не вернется и не скажет мне: «Отдыхай». Иногда он давал мне лакомство и говорил: «Хорошо выполнила команду Ждать», и эта часть мне нравилась, но «Ждать» все равно требовало концентрации и было утомительным и скучным. Человеческие существа, похоже, не чувствуют, как течет время, и не понимают, какого удовольствия они лишаются, когда их собаке приходится просто сидеть и не играть. То же самое относилось и к «Не Лай». Я была хорошей собакой, только если помнила, что должна поступать так всегда. Когда кто-нибудь звонил в дверь и я выполняла команду «Не Лай», Лукас мог дать мне лакомство, а мог и не дать. Это меня выматывало, и я продолжала надеяться, что он позабудет об игре «Не Лай», но он все повторял и повторял эту игру, и Мамуля тоже.

Намного интереснее была игра «Иди Домой». Это означало, что Лукас сейчас отстегнет от ошейника мой поводок, и после этого я должна побежать к нашему дому и улечься перед входной дверью. Лукас настаивал, чтобы я все время ложилась именно там, где он хотел.

– Нет, ты должна лежать вот здесь, на этом пятачке, Белла. Здесь, где тебя не видно с улицы. Поняла? – Он хлопал по бетону до тех пор, пока я не ложилась, и давал мне лакомство. Когда мы делали «Иди Домой», я была хорошей собакой, и мне давали еду. Но когда я выполняла «Не Лай», я не чувствовала себя хорошей собакой, даже если Лукас давал мне лакомство.

– Она все поняла. Если мне это понадобится, она прибежит напрямиком домой и ляжет у стены под живой изгородью, где ее никто не сможет увидеть, – сказал Лукас Мамуле.

Мамуля погладила меня по голове.

– Она хорошая собака.

Я завиляла хвостом.

– Но ей все еще трудно выполнять команду «Не Лай», – продолжал Лукас.

Я заскулила.

Мне больше всего на свете хотелось, чтобы Лукас говорил мне, что я хорошая собака, – это и еще «Крохотный Кусочек Сыра», что означало, что Лукас меня любит и дает мне вкуснейшее лакомство.

Несколько раз Лукас закрывал меня в вольере и клал передо мной телефон. Но телефон был мне неинтересен.

– «Не Лай», – строго говорил Лукас. Потом он и Мамуля выходили за дверь. Мне становилось одиноко, и я начинала лаять, и тогда Лукас бегом возвращался в дом, чего я и хотела! Но он всякий раз сердился на меня и несколько раз повторял мне: «Не Лай», не выпуская меня из вольера и даже не глядя меня, несмотря на то что я была безумно рада его видеть.

Я решила, что выполнять «Не Лай» еще более неприятно, когда ты заперта в вольере.

– По-моему, она по-прежнему не понимает, что от нее требуется, – сказал как-то вечером Лукас, обращаясь к Мамуле. В этот день мы ходили гулять в парк и играли с мячиком, и я почувствовала себя восхитительно сонной.

– Но она больше не лает, когда звенит звонок, – ответила Мамуля.

– Верно. Когда звенит звонок, Белла теперь ведет себя как хорошая собака.

Я сонно постучала хвостом по полу. Да, я была хорошая собака.

– На завтра я записана к невропатологу, – сказала Мамуля.

– Может быть, мне сказаться больным? Мы не можем рисковать, оставляя ее одну.

– Нет, Лукас, ты не должен отпрашиваться с работы.

Я завиляла хвостом при слове «Лукас» и встала на лапы на тот случай, если он собирается со мной погулять.

– Не знаю, что еще можно придумать, – мрачно сказал он. – Тебе нельзя пропускать этот визит к невропатологу, ведь чтобы попасть к нему на прием, нужно ждать целую вечность.

Я села и посмотрела на Лукаса, моего человека, насторожившись, несмотря на усталость. Что-то было не так – и он, и Мамуля были очень, очень напряжены.

Я выполнила «Ждать» и, как хорошая собака, продолжала выполнять «Не Лай», но это, похоже, не помогло.

На следующий день рано поутру, примерно в то время, когда Лукас обычно делал «Идти на Работу», мы все втроем пошли гулять. Мне нравилось, когда мы гуляли вместе!

Едва выйдя из дома, мы, как всегда, перешли улицу. Я почуяла запах Мамы-Кошки, идущий из логова.

– Видишь? – сказал Лукас. – Теперь здесь новый забор. С обеих сторон нейлон, так что нельзя упереться носком и перелезть. А новая сетка сделана из толстой проволоки, которая приварена прямо к столбам. Чтобы ее перерезать, понадобились бы промышленные ножницы для болтов.

Мамуля нахмурилась.

– Погоди, стало быть, ты все-таки резал старый забор?

– Нет. Гантер заявлял, что я его резал, но мне ни разу не пришлось этого делать. Я просто разматывал проволоку с помощью плоскогубцев.

– Рада это слышать. А ты не мог бы подпрыгнуть, ухватиться за верхнюю кромку и, подтянувшись, залезть на нее и соскочить с той стороны?

– Может быть, и смог бы. – Лукас кивнул. – Но тогда Белла все равно осталась бы на внешней стороне забора, а мне нужно, чтобы она залезла в подпол и выгнала оттуда кошек прямо в мою сеть.

– А если внутрь залезешь ты сам, ты сможешь набросить на них сеть?

– Вероятно. Можно попытаться.

– А что, если с тобой туда залезу и я?

Лукас усмехнулся.

– Мамуля, там внутри довольно мерзко.

– Думаю, я видала места и похуже.

– Очень может быть.

– А кошки хоть могут сами выбираться за пределы двора? – Мамуля пощупала ткань, которой был покрыт забор. – Сдается мне, они могут вскарабкаться по этому нейлону.

– Наверное, да, но они прорыли лаз в задней части двора, еще когда здесь стоял старый забор, прорыли там, где нижняя часть его рамы была погнута. Так что, скорее всего, они входят и выходят именно там.

– Как ты думаешь, зачем он установил новый забор? – спросила Мамуля.

– По правде говоря, наверное, затем, чтобы не дать мне изловить остальных кошек. Этим он как бы говорит мне, что может помешать мне их спасти и что я ничего не смогу с этим поделать.

– Ничего не скажешь, красавец.

Мы подошли к дороге, по которой быстро мчалось множество машин. За каждой из них тянулся шлейф различных запахов, а с лужаек и кустов доносились чудесные ароматы, так что я то и дело останавливалась, чтобы по достоинству оценить их. Из-за заборчика на меня залаял белый пес, и мне захотелось подойти и обнюхать его, но я была на поводке.

Когда мы подошли к большому зданию, Мамуля оставила нас и пошла в другую сторону. Я то и дело останавливалась и смотрела ей вслед, но она продолжала идти и ни разу не обернулась. Это меня очень огорчило. Мы только что начали так замечательно гулять всей семьей, и вдруг зачем-то разделились. Я этого не понимала. Ведь мы должны были быть вместе! Я нервно заскулила.

– Перестань, Белла. Она просто пошла на прием к врачу. Когда он закончится, она придет за тобой. А мне надо идти на работу.

Я была сбита с толку, когда он сказал «Идти на Работу», что означало, что он уходит и оставляет меня дома с Мамулей. Но ведь сейчас мы гуляли.

Лукас подвел меня к двери, которая при открытии запищала. Он вошел, опасливо огляделся по сторонам, потом втолкнул меня внутрь за собой. Пол был очень гладким и пахнул разными химикатами и множеством людей, хотя вокруг никого не было видно. Это было очень хорошее новое место, особенно тогда, когда Лукас вдруг побежал по коридору! Лукас закрыл нас в маленькой комнатке, где стоял еще более сильный химический запах. Он встал на колени, и я радостно завиляла хвостом.

– Слушай меня внимательно. Тебе нельзя находиться здесь, в госпитале. Если тебя найдут, у меня будут большие неприятности. Возможно, меня уволят. Это ненадолго. Мама сейчас на приеме у врача. А мне надо идти на работу. Я приду к тебе, как только отмечусь и заступлю на свою смену. Прошу, «Не Лай», Белла. Пожалуйста.

Только не это. Он сжал рукой мою пасть и потряс ее.

– «Не Лай».

А ведь я и не лаяла.

Я была в полнейшем недоумении, когда он вышел и закрыл за собой дверь. И что теперь?

Может быть, это такая разновидность «Не Лай», в которой, когда я залаю, Лукас откроет дверь? Даже если он рассердится на меня, это все же лучше, чем быть оставленной одной в этом незнакомом месте. Я чуяла, что за дверью его нет, но он находился где-то недалеко. Это было похоже на то, что я чувствовала, когда он подходил к дому все ближе и ближе, возвращаясь после «Идти на Работу». Так что хотя он и оставил меня, он был где-то в этом здании или недалеко от него. Но где? И куда подевалась Мамуля? Я заскулила. Не могли же они и впрямь захотеть оставить меня совсем одну в этой комнатке! Что-то тут было не так!

Я выполняла «Сидеть» как хорошая собака, уставившись на дверь и всем своим существом желая, чтобы она открылась. Из-за нее до меня не доносилось вообще никаких звуков. В конце концов, не имея сил терпеть это и дальше, я принялась лаять.

* * *

Лукас открыл дверь только после того, как прошло много-много времени, столько, что я успела гавкнуть много раз. Еще до того, как он открыл ее, я почуяла, что он здесь и что с ним еще один человек, а когда он вошел в комнату, за ним вслед вошла какая-то женщина. От нее пахло цветами и еще чем-то приятным и вкусным. Я была ужасно рада видеть Лукаса и прыгнула на него, упершись в него лапами, чтобы он наклонился и я могла поцеловать его в

лицо. Мой человек вернулся ко мне! Теперь мы могли выйти из этой крошечной комнатки и, быть может, пойти в парк, где он даст мне лакомства.

– Ну что, видишь ее? – сказал Лукас женщине.

– Но ты же сказал мне, что это щенок! А она уже вполне взрослая. – Женщина нагнулась и протянула мне руку, от которой слегка пахло чем-то сладким. Я нежно облизала ее пальцы, и она сразу же ужасно мне понравилась, потому что они были такие сладкие.

– Нет, она все еще щенок, ей где-то восемь месяцев от роду. Ветеринар сказал мне, что она родилась в марте или в начале апреля.

Женщина почесала меня за ушами.

– Знаешь, когда у парня есть щенок, это здорово действует на девушек. – Я прижала голову к ее руке.

– Я что-то об этом слышал.

Женщина выпрямилась.

– Но не на меня.

– Неужели? А ведь я взял к себе Беллу именно ради того, чтобы произвести впечатление на Оливию из отдела техобслуживания.

– Последнее время я стала замечать, что ты делаешь вообще все именно ради этого.

– Должно быть, мой метод все-таки действует, если ты начала это замечать.

– Я также заметила, что мусоропровод опять засорился. Прежде всего я замечаю именно это. Мой главный приоритет.

– Хорошо знать, какое место я занимаю в списке твоих приоритетов.

– Так что ты намерен делать? Ты же знаешь, если тебя застукают здесь с собакой, то уволят. В электронном письме доктора Ганна с перечнем миллиона тех вещей, которые его сотрудники ни в коем случае не должны делать, не-приводи-на-работу-свою-собаку вроде как стоит на одном из первых мест.

– Я тут подумал, ты же из отдела техобслуживания здания, а эта подсобка находится в вашем ведении, так, может быть, ты смогла бы заняться здесь уборкой или еще чем-нибудь и потратить на это где-то около часа? Просто чтобы составить компанию Белле, и тогда она не будет лаять.

– Ничего себе. А с какой стати ты решил, что я тебе вообще что-то должна?

– Не мне. Сделай это ради собаки.

– Белла, – сказала женщина, глядя меня по голове, – твой папочка просто нахал.

– Ты же говорила, что я ботан. По-моему, одно с другим не сочетается.

– О, твой случай – исключение.

– Значит, ты находишь меня исключительным?

Женщина рассмеялась.

– В тебе нет ни капли того, что я считаю исключительным. Или удивительным. Или интересным.

– Тут ты не права. На самом деле я очень удивительный.

– Да ну?

– Честное слово.

– Ну, тогда скажи мне про себя хоть что-нибудь, что могло бы меня удивить.

– Идет. – Лукас на мгновение замолчал.

– Вот видишь.

– Ну ладно, а как насчет вот этого – я живу напротив кошачьего дома.

– Что? – женщина рассмеялась.

– Я же тебе говорил. Я полон сюрпризов.

– Ну хорошо, но я все равно не могу проторчать здесь целый час. Я не такая, как ты, – я не могу все время бегать, находясь незнамо где и не занимаясь ничем путным. У меня есть начальница, и она, скорее всего, уже гадает, куда это я запропастилась.

– Но именно это и было ставкой в нашем споре. Я тебя удивлю, а ты присмотришь за моей собакой.

– Никакого спора не было. Я ничего не делаю на спор.

– Ну да. Но если меня застукают здесь с собакой, то уволят нас обоих.

Послышался стук в дверь. Мне показалось, что к такому случаю «Не Лай» не относится, и я дала Лукасу знать, что там кто-то есть. Он и женщина застыли, уставившись друг на друга.

* * *

Когда Лукас открыл дверь, я увидела, что за ней стоит худой мужчина. От его ботинок пахло землей и травой, и у него были длинные волосы и волосатое лицо. Я подалась вперед, чтобы поприветствовать его, но путь мне преградил вставший перед моим носом Лукас.

– Надеюсь, я не прерываю ваше свидание, – с иронией сказал он.

– Ему бы хотелось, чтобы это было свидание, – ответила женщина. – Он только об этом и думает.

Лукас рассмеялся.

– Привет, Тай. Оливия затащила меня в эту подсобку. Ты явился как раз вовремя, чтобы спасти меня от нее.

– Так что же это за лай я слышал с того конца коридора? – Мужчина сел на корточки, и я подошла к нему, виляя хвостом. – Неужели в госпитале Администрации по делам ветеранов завелась собака? Не может быть. – У него были ласковые руки, и от них пахло кофе и разными людьми.

Лукас вскинул руки, потом опустил их.

– Мы не можем оставить ее в доме одну. Когда ее оставляешь одну, она лает, а в компании, у которой мы арендуем квартиру, нам сказали, что если застукают нас с собакой, то выселят, а Беллу отправят в приют для бездомных животных. Я понимаю, что это против правил, но я просто не знал, что еще можно предпринять.

– Так что он решил попросить меня присмотреть за Беллой в этой подсобке, – добавила женщина.

– Только пока моя мать не вернется от врача.

– Он вечно впадает в панику, – сказала женщина. – Пусть он и на два года старше меня, но я куда взрослее.

– Что ж, думаю, у меня есть решение для этой проблемы, – объявил мужчина. – Я просто возьму Беллу с собой в отделение.

– А если об этом узнает доктор Ганн? – с тревогой в голосе спросил Лукас.

– Доктору Ганну приходится руководить всем этим госпиталем в условиях жесточайшей нехватки финансирования, и у него просто нет времени, чтобы выследить собаку, которая зашла в гости. К тому же, я думаю, нам удастся пару часов держать пребывание здесь Беллы в тайне.

Мужчина взял мой поводок и начал водить меня по другим комнатам. Пол в них был застелен жестким ковром, и кругом стояли кресла, на которых сидели люди. От ковра пахло людьми, химикатами и едой, но там не было запахов собак. Мне не нравилось, что меня увели от Лукаса, но все люди здесь любили меня, гладили и произносили мое имя. Многие из людей были старыми, но не все были рады меня видеть. Кресла были мягкими, когда я клала на них голову, чтобы люди могли погладить мои уши.

Я узнала, что мужчину, который водит меня по комнатам, зовут Тай. Он был очень хороший и дал мне немного курицы, хлеба и яичницы. У одной женщины, ее звали Лейла, дрожали руки, когда она гладила меня по голове.

– Хорошая собака, – шепнула она мне на ухо.

Потом один мужчина дал мне ложку соуса, такого восхитительного, что мне захотелось от удовольствия лечь на спину и покататься по полу.

– Не корми ее десертом, Стив, – сказал Тай.

Мужчина опять засунул ложку в соус.

– Ванильный, – сказал он. Соус находился в пластмассовой баночке, которая стояла на столике рядом с его мягким креслом, и там же стояла горящая лампа, которая нагревала еду, так что от нее шел сладкий аромат. Я смотрела на руку мужчины так же пристально, как когда я видела перед собой «Крохотный Кусочек Сыра». Ложка опустилась, и я облизнулась, ожидая, пока она не опустится достаточно низко, чтобы я могла осторожно взять лакомство у мужчины.

Тай постучал пальцем по спинке кресла, на котором сидел этот мужчина.

– Ну все, Стив, это последняя ложка, – сказал он.

Мужчину с соусом звали Стив.

– Эта собака напоминает мне бульдога-полукровку, который был у меня в детстве. Можешь приходить сюда, когда захочешь, Белла. – Я облизала его пальцы.

Тай пожал плечами.

– Не уверен, что это возможно, Стив. Если доктор Ганн проведает, что здесь побывала Белла, с ним случится истерика.

– Ну и пусть. – Голос Стива зазвучал резко, и он сжал клок моей шерсти в кулаке. Я посмотрела на него, не понимая, в чем дело. – Он понятия не имеет, что нам приходится терпеть.

Тай погладил меня по голове.

– Да нет, Стив, он хороший человек. Просто у него забот полон рот, а тут ему еще и спускают сверху кучу всяких правил.

Стив разжал кулак и отпустил мою шерсть.

– Ну что ж, ладно. Тогда просто ничего ему не говори.

– Хм. – Тай потер рукой подбородок.

– Еще ложечку. – Стив повернулся в своем кресле, взял со столика ложку, и я уставилась на него, не мигая.

– Нет, хватит. Нам пора идти. – Тай потянул за поводок, и я нехотя пошла за ним, то и дело оборачиваясь и бросая жалобные взгляды на Стива. – Ты хорошая собака, Белла. Я хочу кое с кем тебя познакомить.

Тай подвел меня к мужчине, сидящему в большом широком кресле у окна. Его звали Мак, у него не было на голове волос, и руки у него были такие мягкие, когда он провел ими по моим ушам. У него была очень темная кожа, а от его пальцев пахло мылом и немножко беконом.

Маку было грустно, так же грустно, как иногда бывало Мамуле, – это была тоска, смешанная с отчаянием и страхом. Я вспомнила, как ложилась рядом с Мамулей, когда на нее накатывали такие чувства, и я положила передние лапы на кресло Мака, а потом залезла вся, чтобы побыть с ним.

– Ух ты! – Тай рассмеялся.

С подушек кресла поднялась пыль, и я глубоко вдохнула ее. Мак крепко обнял меня и долго не отпускал.

– Как дела, Мак? Держишься?

– Ага, – сказал Мак. Он произнес только одно слово. Но я чувствовала, что чем дольше он прижимает меня к себе, тем слабее становится терзающая его боль. Я была хорошей собакой, делающей свою работу и приносящей успокоение Маку. Я была уверена, что Лукас это одобрит.

Наконец в комнату вошла Мамуля. Он обняла некоторых из сидящих в комнате людей.

– Тебе надо будет приводить сюда Беллу почаще, – сказал ей Тай. – Она имела умопомрачительный успех.

– Ну... посмотрим, – ответила Мамуля.

– Я серьезно, Терри. Если бы ты видела, как приободрился Мак.

– Мак? В самом деле?

– Можно минутку с тобой поговорить? – тихо спросил ее Тай.

Они отошли в угол, чтобы побыть со мной.

– Ты понимаешь, зачем большинство этих ребят приходят сюда каждый день? – спросил Тай.

Мамуля посмотрела на людей, сидящих в креслах.

– Чтобы побыть с такими же, как они сами.

– Верно, но только отчасти. Дело в том, что им, кроме всего прочего, просто некуда больше идти. В отличие от тебя у них нет сыновей, о которых нужно заботиться.

– Заботиться, – медленно проговорила Мамуля. – Не уверена, что я так уж забочусь о нем. В основном это он обо мне заботится.

– Усек. Я просто хочу тебе сказать, что когда они узнали, что вы с сыном тайком привели сюда собаку, это дало им чувство, что они кому-то нужны. Знаешь что? Дай им одержать какую-никакую победу. Они все солдаты, и им будет полезно почувствовать, что они снова ведут бой, даже если это будет всего лишь восстание против глупого запрета на собак. Почему бы завтра тебе не привести ее сюда опять?

– Ну, не думаю, что это хорошая идея. Если доктор Ганн об этом узнает, положение Лукаса окажется...

– Он ничего не узнает, – перебил ее Тай. – Мы спрячем Беллу и от него, и от всех прочих, кто стал бы возражать. Ну как, согласна? Давай сделаем это, Терри.

* * *

На следующий день, когда Лукас собрался «Идти на Работу», мы с Мамулей пошли с ним! Меня опять отвели в большую комнату, где в креслах сидели мои друзья, и Мамуля тоже села и стала с ними говорить. Все были очень рады меня видеть.

На этот раз у мужчины по имени Стив не было с собой потрясающе сладкого соуса.

– Хочешь пирожного? – сказал мне он.

Это было чудесно. Мне понравился Марти, который немного поборолся со мной на полу. И Дрю, у которого не было ног, но который покатал меня на своем кресле, как будто на машине. Я сидела у него на коленях и виляла хвостом, и все смеялись. Правда, пахло при этом не так, как когда катаешься на машине. Мне нравилось прижиматься к Дрю, когда он вел свое кресло. Может быть, когда-нибудь Лукас будет водить машину, и тогда он позволит мне сидеть у него на коленях? Это был замечательный день. Все тискали меня и дарили мне лакомства и свою любовь.

Я выполняла «Сидеть» для Джордана, который давал мне маленькие кусочки гамбургера один за другим, когда Лейла сказала:

– Сюда идет доктор Ганн! – и Тай подхватил меня и отнес на диван, где сидел Мак.

– «Лежать», Белла! – сказал мне Тай. Мак протянул руки и прижал меня к себе, и я легла рядом с ним, чтобы дать ему успокоение. Кто-то накрыл меня сверху одеялом. Я не могла

понять, в чем суть этой игры, но всякий раз, когда я чуть-чуть шевелилась, Мак клал на меня руку и заставлял лежать смирно. Его сердце колотилось часто-часто.

– Доктор Ганн, – громко сказал Тай, – можно попросить вас подключить сюда еще несколько кабельных каналов вдобавок к тому, по которому передают погоду?

Слышала я другие голоса. Я лежала смирно, прижавшись к Маку.

– Хорошая собака, – похвалил он меня так тихо, что я едва его расслышала.

Когда с меня сняли одеяло, люди захлопали в ладоши и стали говорить мне, что я хорошая собака, и я в радостном волнении виляла хвостом.

Позднее я узнала, что женщину из подсобки зовут Оливия. Она пришла проведать меня и дала мне несколько кусочков еды и говорила с Мамулей.

В тот вечер Мамуля произнесла ее имя несколько раз.

– Почему бы тебе не пригласить ее куда-нибудь? – спросила она Лукаса.

Я принесла мячик и теперь не сводила с него глаз, надеясь, что Лукас покатает его по полу.

– Ну, не знаю. Она ведь меня терпеть не может.

– Если бы она тебя терпеть не могла, то игнорировала бы, а не дразнила.

– Она меня вовсе не дразнит. Мы с ней просто совсем разные. Она вроде как гот. Оливия называет меня Типичным Американским Занудой и говорит, что я для нее – лекарство от бессонницы.

Мамуля мгновение помолчала.

– Это, случайно, не из-за меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не можешь присматривать за мной постоянно, а если бы и мог, мне бы это не понравилось. Для матери нет ничего хуже, чем быть для своего ребенка обузой. Если ты от всего отказываешься из-за меня, это значит, что вся моя жизнь прожита зря.

– Не говори так!

– Я говорю это не потому, что меня изводят мрачные мысли, а потому что это правда. Тебе известно, что я больше всего на свете сожалею о том, что бросала тебя. Я оставила тебя одного, когда пошла в армию, и едва не покинула насовсем, когда попыталась покончить с собой. Но теперь все это для меня в прошлом, Лукас. Я больше никогда тебя не брошу, и я хочу только одного – чтобы у тебя было будущее. Пожалуйста, поверь мне – для меня нет ничего важнее этого.

– Хорошо, хорошо, Мамуля, только и ты поверь – у меня есть будущее. Меня ждет замечательное будущее. И я ничему не позволю этому помешать.

Немного спустя Мамуля ушла, а мы с Лукасом пошли кормить кошек. Вместо того чтобы повести меня прямо к логову, Лукас привел меня к задней части двора, где под забором был прокопан лаз. От земли и забора здесь исходили запахи сразу нескольких кошек, и я поняла, что теперь их в логове стало еще больше. Среди них была и Мама-Кошка. Лукас насыпал корм из пакета в миску и подсунул ее под забор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.